

Александр Михайловский
Александр Харников

МЕДАЛЬ ЗА ГОРОД ВАШИНГТОН

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Александр Михайловский
Медаль за город Вашингтон

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Михайловский А. Б.

Медаль за город Вашингтон / А. Б. Михайловский —
«Издательство АСТ», 2021 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-139376-2

Итак, свершилось. Поставив на колени Англию и заставив ее признать независимость Ирландии, пришельцы из XXI века обратили взгляд на Североамериканские Соединенные Штаты. А там уже вовсю кипели страсти. Часть правящей верхушки, нажившаяся на Реконструкции – узаконенном разграблении побежденного Юга, – решила повторно ограбить бывших конфедератов. Но янки было невдомек, что южане, заключив союз с Югороссией, неплохо подготовились к реваншу. Решающая схватка за будущее КША должна вот-вот начаться.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-139376-2

© Михайловский А. Б., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Пролог	6
Часть 1. Тучи сгущаются	9
Часть 2. Вторая Реконструкция	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

**Александр Михайловский,
Александр Харников
Медаль за город Вашингтон**

© Александр Михайловский, Александр Харников, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

*Авторы благодарят за помощь и поддержку Макса Д.
(он же Road Warrior).*

Пролог

2 июня (21 мая) 1878 года. Куба. Военно-морская база Югороссии Гуантанамо

Генерал Нейтан Бедфорд Форрест, новый командующий армией Конфедеративных Штатов Америки

На трибуну перед временным зданием правительства КША поднялся президент Дэвис, облаченный в элегантную серую форму генерала Конфедерации. И это правильно, ведь, согласно нашей Конституции, именно он является главнокомандующим Вооруженными силами Конфедерации. И военное образование у него имеется – более того, он был лучшим выпускником Военной академии в Вест-Пойнте. Наш президент весьма достойно показал себя в Мексиканской войне, где командовал полком. К сожалению, во время Войны Северной Агрессии¹ он то и дело вмешивался в военные планы и оказался не на высоте, из-за чего (впрочем, не только из-за этого) армия Конфедерации потерпела серию болезненных поражений.

Но при этом я должен упомянуть, что в разговоре со мной и адмиралом Рафаэлем Семмсом, командующим флотом КША, президент Дэвис сам признал свои тогдашние ошибки и пообещал дать нам полную свободу действий в военное время. Более того, у нас не должно быть проблем с вышестоящим командованием. Адмирал Семмс – не только командующий флотом, но одновременно еще и военно-морской секретарь². Я отказался от должности армейского секретаря³, но с занявшим этот пост Мэтью Калбрейтом Батлером у нас с Семмсом проблем в будущем не предвидится. Кстати, хоть систему обучения и формирования наших отрядов внедрил майор – а теперь уже подполковник – Сергей Рагуленко, но именно Батлер в наше отсутствие вполне успешно руководил обучением новых добровольцев, а также формированием и слаживанием боевых частей.

– Дамы и господа, – произнес президент Дэвис, – позвольте мне поздравить наш Добровольческий корпус и наш вновь созданный флот с блестящей победой в войне за свободу Ирландии. Мы плечом к плечу сражались вместе с нашими храбрыми союзниками: югороссами, Ирландской Королевской армией и Шотландской бригадой имени Роберта Брюса. Король Ирландии Виктор Первый лично поблагодарил нас за неоценимую помощь в борьбе с британцами. Он наградил генерала Форреста и адмирала Семмса орденом Лиры – высшей боевой наградой Ирландского королевства. Офицеры, солдаты и матросы нашей армии и нашего флота тоже не остались без боевых наград и вдобавок ко всему приобрели неоценимый боевой опыт обращения с новым грозным оружием, а также освоили тактические приемы скоротечной войны.

Да, мы помогли нашим ирландским друзьям отвоевать свободу, которая столетия назад была отобрана кровожадными завоевателями, прибывшими с другой стороны Ирландского моря, и которая казалась им бесконечно далекой. И теперь уже перед нами стоит задача, которая является смыслом всей нашей жизни. Сейчас территория Конфедерации – это наш временный Дом правительства, – и он показал рукой на здание, над которым развевалось наше Незапятнанное Знамя⁴, – но миллионы южан от Флориды до Делавэра и от Мерилэнда до Кен-

¹ Так в КША именовали Гражданскую войну.

² Военно-морской министр.

³ Министр сухопутных сил.

⁴ The Stainless Banner – прозвище флага Конфедерации.

тукки и Миссури ждут от нас избавления от жестокой тирании янки-саквояжников и жадных вашингтонских политиканов.

Я обратил внимание на то, что президент Дэвис включил в список ждущих освобождения и те штаты – Делавэр, Мерилэнд, Кентукки и Миссури, – которые семнадцать лет назад так и не решились порвать с Севером, хотя большинство населения там было на стороне Конфедерации. Ну что ж, по воле Господа пусть все так и произойдет...

Президент перевел дух, откашлялся и продолжил свою речь:

– Наши друзья из Югории, Ирландии и Шотландии будут сражаться с нами плечом к плечу. Но именно наши войска должны будут первыми пролить свою кровь в бою за свободу Юга. И задача при этом окажется намного более тяжелой, чем та, что осуществлена в Ирландии. Армия Севера хорошо вооружена и многочисленна. И самое главное – между Севером и Югом, в отличие от Великобритании и Ирландии, нет моря. Так что никакой флот не сможет предотвратить переброску войск и припасов с Севера на Юг.

Война с армией федералистов будет жестокой и кровавой, и ставкой в ней станет не только наша свобода, но и жизнь всех нас и наших близких. Вы все уже хорошо знаете, на какие мерзости и жестокости способны янки. Но мы все равно выступим с ними на бой и разгромим их, ведь наше дело правое и с нами Господь. Аминь.

Поскольку с этого дня наш Добровольческий корпус переименовывается в Армию Конфедеративных Штатов Америки, то командующим этой армией я назначаю генерала Нейтана Бедфорда Форреста, героя Войны Северной Агрессии и войны за независимость Ирландии.

Президент Дэвис широким жестом пригласил меня подняться на трибуну. Я отдал ему честь и отчеканил:

– Мистер президент, разрешите привести новые части Армии Конфедерации к присяге!

– Разрешаю, генерал Форрест, – кивнул президент Дэвис, в свою очередь отдав мне честь, скомандовал: – Приступайте!

Я повернулся к построенным на плацу людям в пятнистой военной форме, подаренной нам югоссами. Подполковник Уильям Илам Таннер козырнул мне и произнес:

– Генерал Форрест, Учебный пехотный полк Армии Конфедерации построен. Позвольте привести его к присяге!

– Благодарю вас, подполковник, – ответил я. – Учебный пехотный полк Армии Конфедерации, равнение на знамя! Повторяйте за мной!

После того как они произнесли вслед за мной текст присяги, я сказал:

– Отныне вы – Второй пехотный полк Армии Конфедерации. Подполковник Таннер, позвольте поздравить вас полковником!

А про себя подумал, что Таннер после войны стал весьма успешным бизнесменом, несмотря на то что все его имущество было утеряно и ему пришлось все начинать с нуля. Но как только он узнал о начале формирования Добровольческого корпуса, он тут же поспешил в Гуантанамо. Кто-то донес на него, и его задержали в порту Балтимора. Выпустили же Таннера только после того, как кто-то из северян получил нехилую взятку за его освобождение.

Так что прибыл он в Гуантанамо лишь тогда, когда мы уже были на Корву, и вместо участия в ирландских событиях Таннеру пришлось заняться обучением под руководством югоссов новых добровольцев. Я его помнил как весьма талантливого и храброго офицера, который сумел за короткое время дослужиться от лейтенанта до подполковника.

Затем я принял присягу у Учебного кавалерийского полка, которым командовал полковник Томас Хайнс. Он, как и я, не был кадровым офицером, но показал себя весьма достойно во время той войны. Его рейды по тылам северян в Индиане и Огайо стали блестящими страницами в истории войны за нашу свободу. Кстати, его полк – ныне Второй кавалерийский полк Конфедерации – обучали разным военным хитростям, в том числе и русские казаки с реки Дон. Не далее как вчера один из эскадронов Хайнса продемонстрировал мне приемы

сабельной рубки, нечто практически немыслимое во время той войны между Штатами. Ведь наши кавалеристы предпочитали револьвер холодному оружию. Бедные янки, они придут к нам, думая, что мы по-прежнему остались все теми же, как много лет назад. Но они встретятся с армией, вооруженной современным оружием и обученной русскими инструкторами – пожалуй, самыми опытными солдатами нашего мира.

Я подумал, что и у солдат обоих Вторых полков тоже нет военного опыта, если, конечно, не считать немногочисленных ветеранов. Но это дело наживное, ведь обучили их очень хорошо. Скоро под наши знамена придут десятки и сотни тысяч добровольцев. Пока же еще не началась вся эта заварушка и обстановка более или менее спокойна, обязательно надо будет обсудить с генералом Батлером, как именно и чему мы их будем обучать и чем вооружать. Неопытный и плохо вооруженный солдат – это не помощь нашему делу, а лишь обуза для командиров и для своих товарищей. Прежде чем бросать добровольцев в бой, надо их хотя бы немного поднатаскать и обкатать на легких заданиях. Следует продумать такую систему занятий, чтобы зеленый новичок за полгода или девять месяцев превратился бы в опытного ветерана.

Но самое главное заключается в том, что нам осталось недолго ждать того момента, когда мечта о свободе для нашего благословенного Юга, столь жестоко растоптанная северянами тринадцать лет назад, станет реальностью. Действительно, как сказал президент Дэвис, – наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!

Часть 1. Тучи сгущаются

5 июня (24 мая) 1878 года. Лондон. Букингемский дворец

Канцлер Югороссии Тамбовцев Александр Васильевич

Вот и сподобил меня Господь поручаться с самым британским принцем-регентом. Считайте, даже королем, пусть некоронованным – ведь пока еще жива его мать, королева Виктория, спятившая окончательно и безо всяких шансов на выздоровление.

Я с любопытством взглянул на Берти – так близкие звали Альберта Эдуарда. По воспоминаниям современников, он был неисправимым бабником, любителем скачек, парфорсной охоты, карт и веселых компаний. В парижском борделе «Le Chabonais» для него была зарезервирована комната. Там же стояло хитрое кресло, на котором Берти мог удовлетворять двух женщин сразу. Личную медную ванну с бюстом полулебеда-полуженщины для него наполняли шампанским. В общем, будущий король Эдуард VII был мало похож на монаха и любил от души и со вкусом повеселиться.

Но сейчас ему было явно не до веселья. Воспользовавшись поражением королевства в ходе войны за освобождение Ирландии, бывшие заморские подданные Британии решили под шумок прикарманить кое-что из ее колониальных владений. У янки оказался отменный аппетит – они решили для начала нарезать Канаду на ломтики, словно сочный ростбиф, а потом не спеша скушать. Только эти господа забыли, что неумеренное поглощение жирной пищи может закончиться панкреатитом или заворотом кишок.

Во время недавней встречи на борту крейсера «Москва» британского премьера Гладстона с министрами иностранных дел Континентального альянса было решено осадить не в меру алчных янки. В конце концов, нам был нужен казус белли для вмешательства в новую войну за независимость Южных штатов, которая должна была начаться в самое ближайшее время. А чем плох такой вполне законный повод – подписанный договор о взаимопомощи между Югороссией и Соединенным Королевством? В обмен на защиту Канады от вторжения с юга Британия передает Югороссии Северо-Западную Территорию и Землю Принца Руперта, которые компания Гудзонова залива недавно была вынуждена передать новосозданному Канадскому Доминиону. Кроме того, Югороссия должна получить Северный Орегон с островом Ванкувер, известный также как Британская Колумбия. Отдельно в договоре прописывалась передача Югороссии всех арктических островов к северу от Канады, а также – что в данной ситуации имело чисто стратегическое значение – крохотного Бермудского архипелага в Саргассовом море.

За исключением Бермуд, территории эти были пустынные и малозаселенные, и ценность их с точки зрения англичан весьма сомнительна. Конечно, когда мы начнем добывать там золото, они будут кусать локти, но пока что о нем никому, кроме нас, не известно. Бермуды же, на которых нет ни полезных ископаемых, ни сельскохозяйственных земель (того, что там растет, едва-едва хватает для прокорма немногочисленного населения), ни даже источников пресной воды – ее собирают во время дождей, – вообще считались британцами бросовыми землями.

Конечно, поначалу англичане не соглашались принять наши требования. Они вполне резонно заметили, что защита Канады от янки будет им слишком дорого стоить. И мы в данном случае окажемся мало чем лучше тех, кто требует от них примерно эти же территории.

Но я сказал мистеру Гладстону, что, в отличие от САСШ, Югороссия всегда держит свое слово. Получив то, что будет указано в договоре, мы не потребуем большего, тогда как янки,

едва переварив наспех проглоченное, тут же станут алчно прикидывать, что еще можно урвать из оставшихся в Новом Свете британских колониальных владений. Имея же под боком наши военные базы, американцы поостерегутся слишком грозно бряцать оружием.

– Да, но, как я слышал, – осторожно заметил Гладстон, – в ближайшее время может начаться новая война за независимость южных штатов. И если вы им поможете – хотя бы в том же объеме, как вы это сделали в Ирландии, – то конфедераты, вне всякого сомнения, победят северян. Так стоит ли нам тогда опасаться угрозы с юга? Ведь в случае новой войны между Севером и Югом янки точно уж будет не до наших владений.

– Вы, конечно, правы, и в то же время неправы, – ответил я. – Если война действительно начнется, то Конфедерация победит – я в этом тоже не сомневаюсь. Но северные штаты ведь никуда не денутся. И, вполне вероятно, потеряв территории на юге, они попытаются компенсировать их потерю на севере. А вы в таком случае останетесь один на один с их армией, неплохо вооруженной, получившей боевой опыт и жаждущей реванша. Добавьте к этому намного более короткие и удобные пути снабжения. Ведь если янки удастся заблокировать залив Святого Лаврентия, то ваше сообщение с доминионом будет полностью нарушено.

– Да, тут вы абсолютно правы, – покачал головой Гладстон. – Именно так Англия смогла захватить все французские колонии в Северной Америке во время Семилетней войны.

– Полагаю, что и сейчас янки таким же образом захватят всю Канаду. А нам останется лишь взывать к их милосердию и уговаривать враждующие стороны прекратить кровопролитие.

После этого началось обсуждение будущего договора. Для англичан были важны те его статьи, согласно которым за ними остается вся историческая Канада, недавно разделенная на провинции Квебек и Онтарио, а также атлантические ее территории от восточного Лабрадора и Ньюфаундленда до Нью-Брансуика, Новой Шотландии и прилегающих островов. Мы же согласились гарантировать защиту этих территорий от посягательств с юга. Ради этого англичане сами предложили передать нам «в вечное владение» форт Сен-Жан, прикрывающий Монреаль с юга, и город Ниагару с фортами Джордж и Миссисога в устье одноименной реки, защищающий дорогу на Торонто. Кроме того, мы получали право беспрепятственно снабжать эти форты по рекам Святого Лаврентия и Ришелье, а также по озеру Онтарио. Кроме того, мы добавили в список передаваемых нам территорий остров Гран-Манан с прилегающими к нему мелкими островами.

Остров этот был расположен на границе между заливом Фанди и заливом Мэн близ побережья штата Мэн. От материка и соседнего острова Кампобелло Гран-Манан отделяет одноименный пролив. От открытых вод Атлантического океана с востока, северо-востока и юго-востока Гран-Манан прикрывает полуостров Новая Шотландия. На этом острове можно построить первоклассную военно-морскую базу, с которой будет удобно контролировать судоходство в этой части Атлантики, а также пресекать любые попытки блокады залива Святого Лаврентия.

Видимо, мои доводы подействовали на мистера Гладстона. Он задумался, тяжело вздохнул, а потом попросил отложить продолжение нашего разговора на несколько дней. И сегодня мне предстоит приватная беседа с принцем-регентом Альбертом-Эдуардом. Я понял, что от того, как она пройдет, и будет зависеть дальнейшее развитие событий.

После того как завершилась официальная процедура взаимного представления, мы, по просьбе Берти, остались одни. Какое-то время в комнате царил молчание. Мы внимательно рассматривали друг друга, прикидывая, с чего нам следует начать сей нелегкий разговор. Когда же молчание затянулось до неприличия долго, принц-регент прокашлялся и произнес:

– Я очень был бы рад познакомиться с вами, мистер Тамбовцев, при других обстоятельствах. Мне довелось слышать о вас немало лестных слов. Но сейчас моему королевству грозит

страшная опасность, и я хочу поговорить с вами начистоту. Скажите, на какую помощь мы можем рассчитывать, если она нам вдруг понадобится? О ее цене мне уже известно.

– Ваше королевское высочество, – ответил я, – надеюсь, что мистер Гладстон ознакомил вас с проектом договора?

Дождавшись утвердительного кивка принца-регента, я продолжил:

– Сразу после его подписания и ратификации мы перебросим в Канаду наши части, которые незамедлительно займут ключевые позиции на границе Канады с САСШ. И хочу вас уверить: узнав об этом, янки вряд ли рискнут перейти границу. Они прекрасно знают, что их ждет в случае начала войны против Югороссии. К тому же я полагаю, что в самое ближайшее время им станет не до Канады. Войска Конфедерации могут начать освободительный поход, восстанавливая утерянную в 1865 году независимость.

– Как я слышал, – осторожно заметил принц-регент, – в войне между Севером и Югом примут участие и войска Югороссии?

– Вполне возможно, если эта война действительно состоится, – я решил пока не открывать Альберту Эдуарду все наши карты. – Многое будет зависеть от поведения правительства САСШ. А оно, согласитесь, абсолютно безнравственное. Вносить односторонние поправки в уже подписанный договор – ведь это, согласитесь, ни в какие ворота не лезет!

– Гм, действительно, Государственный департамент поступил откровенно по-идиотски, – усмехнулся принц-регент. – Они что, считают вас наивными детишками, которых можно вот так запросто обвести вокруг пальца?

Но, господин Тамбовцев, сейчас меня больше волнует другое. Нам действительно не очень нужны Земля Руперта и Северо-Западные Территории – разве что Британская Колумбия, через которую мы можем выходить в Тихий океан. Но она расположена очень далеко от Онтарио и Квебека. Да и Бермуды, если честно, в последние десятилетия находятся в полном забвении и запустении. Я не понимаю, что вы собираетесь делать с этим забытым Богом клочком суши. У нас туда ходят разве что яхтсмены...

Я лишь улыбнулся – от Бермуд даже при скорости восемнадцать узлов можно всего за двое суток дойти до Чарльстона, Аннаполиса, либо (если накинуть два или три часа) до Нью-Йорка. Именно на этом клочке суши будет оборудована маневренная база нашей эскадры. Ведь англичане, согласно договору, обязуются эвакуировать с Бермуд свой флот и цветное население (кого-то на Бермудах не так уж и много), плюс всех тех, кто откажется принимать нашу присягу. А военные и прочие объекты они обязуются оставить нам в полной целостности и сохранности.

Но ничего это я, естественно, не стал озвучивать, тем более что Берти продолжил разговор:

– Ну, хорошо. Скажите, можете ли вы, как канцлер Югороссии, обещать, что ни у вас, ни у Российской империи не будет больше никаких территориальных претензий к моему несчастному королевству? Ведь, как известно, аппетит приходит во время еды. Сегодня – Ирландия, завтра – Канада... А что может быть послезавтра? Индия? Австралия?

– Ваше королевское высочество, – я постарался, чтобы мой голос звучал как можно более искренне, – взаимоотношения между Югороссией и Британией – за Российскую империю я ничего обещать не могу – во многом будут зависеть от поведения вашего королевства. Мы будем отвечать ударом на удар, и недружественное отношение Британии к Югороссии будет соответствующим образом сказываться на наших взаимоотношениях. Кроме того, как вам, наверное, известно, у нас прекрасные отношения с Санкт-Петербургом, и я надеюсь, что император Александр в случае необходимости прислушается к нашим аргументам.

– Я все понял, господин Тамбовцев, – вздохнул Берти. – Надеюсь, что в годы моего правления нам больше не придется воевать друг с другом. Хотя, как вы понимаете, многое зависит не только от меня...

Принц-регент тяжело вздохнул и встал, показывая, что наша беседа подошла к концу.

– Можете передать адмиралу Ларионову, – сказал он, – что мы готовы подписать предложенный вами договор в самое ближайшее время. И да хранит Господь нашу старую добрую Англию!

8 июня (27 мая) 1878 года. Вечер. Ирландское море. ТАКР «Адмирал Кузнецов», адмиральский салон

Присутствуют: командующий флотом Югороссии – адмирал Виктор Сергеевич Ларионов; канцлер Югороссии – Александр Васильевич Тамбовцев; командующий армией Югороссии – генерал-майор Вячеслав Николаевич Бережной; глава МИД Югороссии – полковник Нина Викторовна Антонова

Большие волны, бегущие откуда-то издалека, раскачивали огромный корабль. Это не было похоже на шторм, просто суровый океан показывал людям, кто здесь хозяин. «Кузя» своим форштевнем рассекал свинцово-серую воду, упрямо двигаясь к берегам Нового Света. Именно там должны произойти решающие события, которые изменят ход мировой истории на многие десятилетия вперед.

В адмиральском салоне авианосца собрались люди, которые по праву могли бы назвать себя демиургами – творцами новой реальности. Именно они разрушили Османскую империю, нокаутировали империю Британскую, а теперь готовились прикончить в зародыше еще не состоявшуюся Заокеанскую империю, в конце XX века ставшую единственной сверхдержавой мира.

Адмирал Ларионов внимательно посмотрел на сидевших перед ним людей. Познакомился он с ними всего лишь год назад. Но за это время произошло столько удивительных событий, что ему порой начинало казаться, будто знает он их много-много лет.

– Ну что, друзья мои, – произнес наконец адмирал, – а не замахнуться ли нам на Уильяма, понимаете ли, нашего Шекспира? То бишь прикинуть, как и что следует сделать, чтобы Соединенные Штаты Америки, даже если они и останутся на карте мира в изрядно усеченном виде, никогда уже не стали настолько мощной державой, чтобы всерьез угрожать безопасности России и Югороссии.

– Так мы вроде именно для того и следуем через Атлантику, чтобы помочь конфедератам переиграть Гражданскую войну, – пожал плечами, ответил генерал Бережной. – Или у вас, Виктор Сергеевич, имеются сомнения в успехе нашей экспедиции?

– Что вы, что вы, Вячеслав Николаевич, – адмирал отрицательно покачал головой, – в том, что новая армия Юга с нашей помощью уделает армию северян, как бог черепаху, у меня никаких сомнений нет. Меня интересует несколько другое – а что потом? Ведь, как сообщил нам Александр Васильевич, мы теперь будем иметь в Северной Америке свои территории, и нашими соседями станут Канада, САСШ и КША. А соседи иной раз бывают такие, что приходится ложиться спать, хорошенько заперев входную дверь на несколько замков и сунув на всякий случай заряженный револьвер под подушку. Не получится ли так, что нам снова придется повоевать с американцами, канадцами или теми же конфедератами, а то и со всеми сразу?

– Прогнозировать, Виктор Николаевич, дело весьма неблагоприятное, – ответил Тамбовцев. – Я ведь не Нострадамус, не бабка Ванга и даже не цыганка с картами. В том, что соседи наши доставят нам еще немало хлопот, – в этом я ничуть не сомневаюсь. Только и мы не должны сидеть сложа руки. Надо активно отслеживать все политические процессы, происходящие и на Севере, и на Юге, и в случае необходимости принимать меры, вплоть до самых радикальных.

– Гм, – улынулась Нина Викторовна, – как это у вас все просто – пиф-паф, и вы покойники. Насилие должно быть соразмерным и дозированным. Впрочем, не мне вас учить. Я же лишь могу сказать, что в самое ближайшее время ни Юг, ни Север нам угрожать не будут. Юг

– потому что конфедераты надолго запомнят, кто помог им получить свободу. Ну а Север – потому что янки еще не скоро придут в себя после военного поражения.

Что же касается тех канадских территорий, которые мы получим от Великобритании согласно заключенному с ней договору, то для Соединенного королевства они не представляют особой ценности из-за того, что земли те зело суровы и бесплодны, а людей, их населяющих, можно пересчитать по пальцам. Это уже потом, когда найдут золото на Юконе и Клондайке, туда ломанутся десятки тысяч золотоискателей – если мы им, конечно, позволим. Но, как поется в одной песне, «это лишь потом». А мы желаем знать, что будет сейчас.

– Тогда начнем по порядку, – произнес адмирал Ларионов. – Скажите, Александр Васильевич, что нам ждать от САСШ, после того как северяне потерпят окончательное поражение в войне с Конфедерацией и будут вынуждены признать отделение Юга?

– Поражение Севера в войне с Югом поставит жирный крест на всех мечтах идеологов «Сияющего града на холме», – развел руками Тамбовцев. – Ведь Юг всегда был для Севера внутренней колонией. Если кто-то считал, что Гражданская война началась в 1861 году только ради того, чтобы спасти от рабства несчастных негров, то он донельзя наивный человек. Северянам абсолютно было наплевать как на самих негров, так и на их свободу или несвободу. Больше всего они боялись отделения южных штатов.

Простой пример: южане продавали выращенный на их плантациях хлопок – продукт, который пользовался огромным спросом на ткацких фабриках той же Англии. Но продавали они его не напрямую, а через посредников, и, по странному стечению обстоятельств, именно тех, которые окопались на Севере. Эти же посредники скупали у плантаторов хлопок по сильно заниженным ценам. А промышленные изделия, произведенные в Европе, на Юг попадали опять-таки через Север, где перекупщики, наоборот, бесстыдно завышали на них цены.

Лучше всего дерибан Юга северными хищниками могут проиллюстрировать следующие цифры. Юг вывозил своей продукции на экспорт на 213 миллионов долларов в год, а Север – всего на 47 миллионов долларов. И еще – Юг обеспечивал 80 процентов всех налоговых поступлений в федеральную казну. При этом на Севере проживало 22 миллиона человек, а на Юге – всего 13 миллионов.

– Да уж, – покачала головой Антонова, – это самый настоящий грабеж. Кстати, насчет грабежа – во время Гражданской войны янки вели себя на захваченных территориях южных штатов как настоящие оккупанты. Грабили, насиловали, убивали. А потом, когда война закончилась, туча саквояжников набросилась на уцелевших в этой бойне южан и обобрала их до нитки.

А что произойдет, когда Север потеряет свою внутреннюю колонию? Да он моментально превратится в рядовое американское государство с недоразвитой экономикой и довольно отсталым сельским хозяйством. Но, с другой стороны, у него останутся замашки хищника, и оно будет пытаться проводить экспансионистскую политику. Если и не финансовую, то территориальную.

– Ну, допустим, – сказал генерал Бережной, – хотя это янки не так-то просто будет сделать. С КША и Югославией они вряд ли снова захотят воевать. Напасть на Канаду – так у нас заключен договор с Британией о защите ее заморских владений. С Мексикой – сие вообще будет сделать затруднительно из-за отсутствия общей границы.

– Есть еще неосвоенные индейские территории, – подсказал Тамбовцев. – Это тысячи гектаров плодородной земли. Правда, федеральное правительство заключило с индейскими племенами договоры, согласно которым земли племен не подлежат отчуждению и продаже. Только нарушение американцами заключенных с ними договоров – их фамильная черта характера. Они соблюдают договоры лишь до тех пор, пока им это выгодно.

– Да, индейцам не позавидуешь, – кивнул адмирал Ларионов. – Уж они-то вполне по силам этим головорезам. Кстати, ведь и мы получим с передаваемой территорией Канады изрядное количество индейцев. Что с ними делать-то будем?

– А мы не будем придумывать велосипед, – усмехнулся Тамбовцев. – Просто вспомним опыт России, которая худо-бедно, но сохранила малые народности Севера. Приставим всех к делу. Тут все будет зависеть от того, на что эти дети природы способны.

Так, например, в нашей истории американцы приспособили индейцев-могавков в качестве монтажников-высотников. Те привыкли в своих горах лазать по кручам, словно дикие козы. И они оказались лучшими при строительстве знаменитых американских небоскребов. А если они захотят повоевать, то мы пошлем их к Вячеславу Николаевичу – он из них сделает бойцов экстра-класса. Конечно, у нас могавков не будет, но, полагаю, племена Скалистых гор дадут им сто очков вперед – у них горы и выше, и круче.

– Ладно, со своими индейцами мы как-нибудь разберемся, – сказал адмирал. – А вот с янки следует держать ухо востро. Надо не давать им усиливаться. В случае чего – давить в зародыше любую попытку начать экспансионистскую политику. На худой конец, при подписании мирного договора между Югом и Севером заранее вбить в него статью, запрещающую северянам иметь большую армию, и ограничить численность их военно-морского флота.

– А вот это правильно, – согласилась Нина Викторовна. – Думаю, что и конфедераты не будут возражать против подобной статьи договора. Тогда в случае нарушения сей статьи мы получим законное право вмешаться и потребовать от правительства США довести численность армии и флота до размеров, оговоренных в мирном трактате.

– Эх, хороши вы тут делить шкуру неубитого медведя, – проворчал Тамбовцев. – Курочка в гнезде, яичко – сами знаете где, а вы уже цыплят считаете. Давайте посмотрим, чем закончится эта война. Мне почему-то кажется, что в ходе боевых действий мы можем столкнуться с сюрпризами. И дай бог, чтобы они оказались приятными.

Все согласились с тем, что сказал Александр Васильевич. А адмирал вызвал вестового и велел накрывать на стол. Наступило время обеда, и неплохо было бы подкрепиться.

12 июня (31 мая) 1878 года. Вашингтон

Уильям Максвелл Эвертс, государственный секретарь Североамериканских Соединенных Штатов

Черный дворецкий с почтительным поклоном передал госсекретарю визитную карту на серебряном подносе и произнес:

– Господин Эвертс, к вам визитер.

– Эйб, – словно ощутив во рту вкус лимона, поморщился Эвертс, – ну сколько раз тебе говорить – когда я себя плохо чувствую, то никаких визитеров я видеть не хочу!

Эйб со строгим видом кивнул, лишь в глазах у негра заплясали чертики. Еще бы, мистер Эвертс вчера опустошил аж две бутылки лучшего виски из графства Бурбон в Кентукки. Где-то унции три во второй бутылке, правда, оставались, и Эйб лично мог засвидетельствовать, что виски был весьма и весьма неплохим. Да и на этикетке было указано, что производителем виски является семья Сэмюэлс. Да-да, та самая семья, которая сто лет назад изобрела этот самый бурбон... Видит бог, мистер госсекретарь никогда не помнил, оставалось ли что-то в бутылке у него или нет. Так что, состоя на службе у Эвертса, Эйб успел перепробовать и виски, и вина, и шампанское различных марок.

Конечно, мистеру президенту (закоренелому трезвеннику и ханже) данная слабость мистера госсекретаря пришлась бы далеко не по вкусу. Поэтому Эвертс позволял себе расслабиться и как следует выпить лишь тогда, когда чета Хейс уезжала из города. Например, вчера

вечером. И потому-то он перед этим не спросил у Эйба, есть ли в его сегодняшней программе визиты. Сам же и виноват.

– Мистер Эвертс, сэр, – сказал с полупоклоном Эйб. – Нынешний визитер – посланец правительства Югороссии. Смею вам напомнить, что на его сегодняшний визит вы вчера дали согласие.

Эвертс со страдальческим видом протянул руку за визиткой и прочитал: «Капитан Александр Иванович Иноземцев, чрезвычайный и полномочный представитель Министерства иностранных дел Югороссии».

В самом деле, вчера пришел запрос из российского посольства о встрече с ним югоросского посланника, и Эвертс дал на него согласие. А потом все позабыл – получив вчера вечером весточку из Нью-Йорка о художествах одной из своих дочерей, он попросту слетел с катушек. Еще бы, девушку обнаружили во время полицейского рейда в дешевом отеле (скорее, борделе) в одном нижнем белье и в компании двух моряков – шотландца и, прости господи, ирландца... Супруга написала, что намеревается послать чадо в закрытую школу для девочек – и почему она решила это сделать только сейчас, почему не год назад, когда что-то в этом роде произошло впервые?

Будь на месте этого captain Inozemtsev (ну и фамилия, попробуй прочти ее, тем более с похмелья) кто-нибудь менее значительный, Эвертс наверняка перенес бы визит, велел дворцовому сказать, что, мол, он неважно себя чувствует. Но в данном случае и при нынешней политической обстановке не принять представителя Югороссии было бы самоубийством. Еще свежо было в памяти вторжение югороссов в Ирландию, а тем более то, с какой легкостью их регулярная армия и обученные их инструкторами наемники разгромили лучшую в мире британскую армию. Вот скажешь сейчас что-нибудь не то, в Константинополе могут обидеться, после чего объявят государственную вендетту, как это было в случае с убийством русского императора Александра II. И что тогда делать бедному американскому госсекретарю?

Поэтому Эвертсу пришлось встряхнуться и смириться с неизбежным.

– Эйб, – держась за разламывающиеся виски, скомандовал он, – пригласи господина Иноземцева в зеленую гостиную. Предложи ему пока виски, что ли, – осталось ли что-нибудь от подарка сенатора Хоара?

– Нет, масса, те две бутылки, что прислал ваш кузен, вы вчера выпили, – с непроницаемым лицом ответил черный дворецкий.

Эвертс тяжело вздохнул:

– Тогда предложи ему просто вина и сигару. И через десять минут пусть он заходит в мой кабинет.

Иноземцев оказался человеком лет тридцати в партикулярном платье, но с военной выправкой. В руках у него был небольшой портфель несколько необычной формы. Слегка поклонившись, посланец югороссов произнес:

– Очень рад с вами познакомиться, господин госсекретарь.

– Взаимно, господин посланник, – ответил Эвертс. – Чем могу служить?

– Господин госсекретарь, позвольте вручить вам по поручению моего правительства некоторые бумаги.

Он открыл портфель и положил на стол перед Эвертсом пухлый конверт. Госсекретарь вскрыл его, тупо взглянул на первый лист и спросил:

– Капитан, здесь указано, что вы уполномочены на словах сообщить мне основные пункты этого послания.

– Именно так, господин госсекретарь, – ответил югоросс, голос которого лязгнул, как затвор орудия. – Первый документ – это уведомление о том, что вся территория, принадлежавшая Британской короне к западу от границ провинции Онтарио, передана Югороссии. То же самое касается и территории Северного Орегона, а также острова Ванкувер. Территория

к востоку от этой границы остается владением Британии. Кроме того, Югороссия заключила с Лондоном двухсторонний договор о защите данной территории от любых посягательств со стороны третьих держав.

Эвертс побелел. Тошнота подкатила к его горлу. Это была катастрофа. Все планы по захвату Северного Орегона рухнули в одночасье. А этот проклятый капитан продолжал добивать несчастно госсекретаря:

– Далее. Мое правительство настоятельно просит Североамериканские Соединенные Штаты о немедленном выводе всех войск вашей державы с вышеупомянутых территорий, если они уже там находятся. Кроме того, оно еще раз подчеркивает, что те североамериканские территории, которые остаются во владении Британии, отныне находятся под защитой Югороссии.

И, наконец, я уполномочен сообщить вам следующее. Правительство Югороссии получило текст договора между САСШ и Югороссией в том виде, в каком он был ратифицирован Сенатом Североамериканских Соединенных Штатов. С сожалением оно вынуждено констатировать, что из текста договора каким-то непонятным образом был изъят один весьма важный пункт. Причем произошло это в одностороннем порядке, не только без согласования с другим участником договора, но и без уведомления такового. Вследствие вышеуказанных фактов, правительство Югороссии более не считает себя связанным какими-либо ограничениями в связи с этим договором и отзывает его ратификацию.

«Какая все-таки сволочь этот Хоар, – тоскливо подумал Эвертс, – будь он хоть трижды мне кузеном. Говорил же я ему, мол, югороссы – это тебе не индейцы, так просто с ними подобные фокусы не пройдут. И как теперь мне все это расхлебывать?»

– Капитан, есть ли возможность обсудить сложившуюся ситуацию и найти взаимовыгодный компромисс?

– Увы, господин госсекретарь. Наш договор и был этим взаимовыгодным компромиссом. Но действия Сената – и особенно тот факт, что нас даже не уведомили о том, что в договор внесены односторонние правки, – все это заставило мое правительство отказаться от этого договора.

– Есть ли возможность ратифицировать договор заново, без вышеуказанных изменений?

– К величайшему сожалению, мое правительство не считает это в данной ситуации целесообразным. Но в послании моего правительства также указано, что оно готово на новые переговоры на территории Кубы либо Ирландии. В качестве предварительного условия – получение официальных извинений как от правительства Североамериканских Соединенных Штатов, так и от Сената, а также торжественное и публичное обязательство более не нарушать общепринятые дипломатические нормы. И кроме того, условием ведения новых переговоров должен стать немедленный отвод войск от границ владений Югороссии и владений Британской короны в Северной Америке.

Такого унижения Эвертс никак не ожидал. Но делать что-то было надо. Самое главное – выиграть время. И он решил:

– Это возможно сделать лишь после возвращения президента Хейса. Я дам ему срочную телеграмму. Кроме того, требуется некоторое время для Сената, и, как вы знаете, его реакция абсолютно непредсказуема. Как долго вы еще будете в Вашингтоне?

Лицо югоросского посланника осталось непроницаемым.

– Увы, господин госсекретарь, – произнес он ледяным тоном, – в конце концов, непредсказуемость вашего Сената – это ваши внутренние проблемы. Я выполнил свою миссию и вынужден покинуть ваш замечательный город сегодня вечером. Но вы можете передать любую информацию для правительства Югороссии через посольство Российской империи. В отсутствие нашего постоянного диппредставительства оно будет временно представлять наши интересы. Засим я вынужден откланяться. Желаю вам всего наилучшего.

Посланник югороссов вежливо кивнул и, развернувшись, вышел. А госсекретарь Эвертс почувствовал, что в глазах у него потемнело. Он грохнулся в глубокий обморок, вызванный чрезмерной дозой алкоголя и не менее сильными переживаниями. Последняя фраза, произнесенная посланником Югороссии, могла означать все что угодно, вплоть до объявления войны.

16 (4) июня 1878 года. Джорджтаун, дом сенатора Джорджа Фрисби Хоара

Сенаторы Джордж Фрисби Хоар, Джон Паттерсон, Джон Камерон, Амброуз Бёрнсайд
Дворецкий Колин не узнавал своего хозяина. Хоар, обычно такой вальяжный и предстательный, сегодня был готов рвать и метать и, не находя приличествующих его кругу слов, ругался, словно пьяный портовый грузчик.

Гости сенатора Хоара, хотя и полностью разделяли возмущение хозяина, все же вели себя гораздо сдержанней. Им тоже весьма не нравилась создавшаяся ситуация, но они, рассевшись в креслах, расставленных полукругом, дружно потягивали кто виски, кто джин с тоником, а кто и портвейн, и таили свой гнев, не выказывая внешне эмоций.

Причиной бешенства сенатора Хоара стало поведение госсекретаря Эвертса, который и не подумал отстаивать перед представителем Югороссии их общую позицию, а сразу же капитулировал, задрав вверх лапки. Теперь от Белого дома исходил такой резкий запах внезапного испуга, словно Югороссия уже объявила Америке войну и высадила на восточном побережье своих головорезов.

А чего было пугаться-то? Ну, подумаешь, эти югороссы расторгли с таким трудом ратифицированный договор. Америке и ее хозяевам, заседающим в Сенате, от этого было ни холодно ни жарко. Сию бумажку и так никто не воспринимал всерьез. В конце концов, где Вашингтон, а где Константинополь!

Гораздо хуже было то, что правительство президента Хейса отказалось от тщательно подготовленных планов вторжения в Северный Орегон, который, как выяснилось, англичане уступили югороссам вместе с островом Ванкувер в обмен на защиту остальной территории Канады от поползновений некой третьей стороны.

Собравшиеся в доме Хоара сенаторы прекрасно понимали, кого следует считать этой третьей стороной, и задыхались от бессильной злобы. История с Ирландией показала, что связываться с югороссами выходит себе дороже. В то же время сенаторы считали, что Атлантический океан сможет защитить их от гнева Югороссии надежней каменной стены. Ну не допускали они мысли о том, что кто-то может ворваться в их уютный и благополучный мирок и лишит всего того, что «нажито непосильным трудом». Они считали, что у себя в Америке они могут делать все, что им заблагорассудится. Или почти все. Северный Орегон тоже от них никуда не денется, ведь югороссам когда-нибудь надоест эта обуза, и они его забросят, словно подросший ребенок ненужную игрушку.

Поэтому, пересилив злобу, сенатор Хоар внезапно остановился посреди комнаты и произнес:

– Ну все, джентльмены, мое терпение лопнуло. Вы как хотите, но с этой тряпичной куклой Хейсом пора кончать. Нам нужен президент, который в первую очередь будет защищать наши интересы и лишь потом заниматься всем остальным.

– Значит, прежний план остается в силе? – отхлебнув своего любимого портвейна, спросил щеголевато-лощенный Амброуз Бернсайд. – А я уж было подумал, что ты, Джордж, изменил свое мнение по этому поводу и решил не рисковать.

– Запомните, джентльмены, – жестко произнес сенатор Хоар, – я никогда не меняю своего мнения и не отказываюсь от принятых мной решений. Я лишь могу на какое-то время отложить исполнение моих планов из-за того, что сложилась неблагоприятная обстановка. Временное

отступление – это еще не поражение, потому что потом я обязательно вернусь к этому вопросу и доведу дело до конца.

Обстановка же для окончательного решения вопроса о судьбе президента Хейса и организации Второй Реконструкции до настоящего момента складывалась неблагоприятная. Без ослабления Британии нечего было и думать о том, чтобы начать собирать войска на канадской границе. Без концентрации войск нельзя было надеяться на молниеносное подавление сопротивления в южных штатах. Я готов был ждать столько, сколько потребуется, зная, что югороссы однажды схватятся со своими смертельными врагами – англичанами. И как вы знаете, англичане сами помогли мне, устроив свою Реконструкцию в Ирландии.

Югороссы, которые почему-то всегда защищают всех слабых и обиженных, не утерпели и вступили с Британией в смертельную схватку. Кто же мог предполагать, что эти ненормальные русские, едва разгромив британцев, тут же протянут им руку помощи и заключат оборонительный союз?

– Русские, Джордж, и югороссы, – поправил подельника Джон Паттерсон, – это, как говорится, две большие разницы. Русские – это обычные люди, разве что чуть более наивные и добродушные, чем обычно. А вот югороссы – это настоящие исчадия ада, в руки которым лучше не попадаться. Вы помните, что случилось с Пинкертоном?

– Помню, – кивнул сенатор Хоар и нахмурился. – Он бесследно исчез во время поездки на Кубу полгода назад, и, похоже, не без их помощи. И теперь ни одно детективное агентство, ни даже просто бандиты не соглашаются против них работать. С ними вообще никто не хочет связываться. Своя голова на плечах дороже любых денег.

Я их, в смысле югороссов, за это даже уважаю. Такой стиль мне импонирует. Но если вы думаете, что им будет хоть какое-то дело до «бабушки Хейса», на которого они, кстати, тоже весьма злы, или до южан, которых мы собираемся потрясти во время Второй Реконструкции, то вы жестоко ошибаетесь. Югороссы вступают в борьбу лишь тогда, когда задетыми являются их собственные интересы или интересы их ближайшей родни...

– А какое им было дело до того, что Британия вытворяла в Ирландии? – с долей ехидства в голосе поинтересовался сенатор Камерон. – Тем более что ирландцы не являются даже отдаленной родней славянам.

Югороссы бросили против Британии не только наемников, но и свои регулярные части. Они задействовали даже свои наводящие ужас боевые летательные аппараты! И все это, вместе взятое, помогло им в кратчайшие сроки разгромить британскую армию. Вы не опасаетесь, что, как только мы начнем Вторую Реконструкцию, югороссов может снова охватить очередной приступ человеколюбия и вся их мощь обрушится уже на наши головы?

– Все это ерунда, джентльмены, – с непробиваемым апломбом заявил сенатор Хоар, – англичане устроили у себя в Ирландии черт знает что, словно решив истребить всех ирландцев под корень. Но ведь так дела не делаются. А кто, простите, будет работать и платить налоги?

Мы же не собираемся устраивать подобную резню. Боже упаси, совсем нет. Мы всего лишь хотим немного ошипать этих заносчивых дикси, забрать себе их земли, деньги и бизнес, но ни в коем случае не убивать их, потому что если не будет овец, то просто некого будет стричь. Не думаю, что в таком случае югороссы решатся вмешаться. Тем более что их бизнес на Кубе требует полной концентрации всех их сил.

– Из-за этого их бизнеса, – неожиданно пожаловался сенатор Паттерсон, – цена на сахарный тростник и сахар-сырец на Кубе и в южных штатах выросла, а цены на сахар и ром в Европе упали. Мы просто не можем конкурировать ни с сахарными заводами и перегонными комбинатами, которые югороссы построили на Кубе, ни с их единственным кораблем, который берет на борт двадцать тысяч тонн груза и доставляет его в Европу со скоростью в восемнадцать узлов...

Сенатор Хоар только отмахнулся от его назойливого нытья и спросил:

– Ну что, джентльмены, в том, что касается «бабушки Хейса», вы со мной или нет?

– Разумеется, с тобой, – поддакнул сенатор Камерон и вопросительно посмотрел на сенатора Бёрнсайда. – Амброуз, ты как? С нами или?..

– С вами, с вами, успокойтесь, – проворчал щеголь, – подходящий стрелок у меня уже есть на примете, имеется и подходящий труп, правда, он еще не знает, что он труп. Совместить приятное с полезным не получилось, потому что пока не удалось найти стопроцентного южанина, который согласился бы пристрелить Хейса.

– Ну, это не такая уж большая помеха, – кивнул сенатор Хоар, – можно сделать так: вместо одного будет два трупа. О втором не должна знать ни одна живая душа. Впрочем, и у меня есть кое-кто на примете, и он южанин. Осталось только обговорить, где и когда «бабушка Хейс» расстанется с жизнью, – взгляд сенатора Хоара остановился на сенаторе Паттерсоне. – Кстати, Джон, ты с нами или я должен сказать: «И ты, Брут!»?

– Разумеется, с вами, – угрюмо проворчал тот, – за последние полгода я тоже понес значительные финансовые потери, и Вторая Реконструкция поможет мне их восполнить.

Уже на следующий день подробный отчет об этой встрече лег на стол резиденту югоросской разведки в САСШ Роберту Мак-Нейлу, а еще через два дня эта информация стала известна адмиралу Ларионову.

23 (11) июня 1878 года. Югороссия. Константинополь

Вице-канцлер Югороссии Османов Мехмед Ибрагимович

Ну и пылища! Со строительной площадки будущего Константинопольского университета доносился шум какого-то механизма. Работа кипела, и над бетонным фундаментом уже возвышалась кирпичная кладка стен учебных корпусов. Казалось бы, что старый разведчик может понимать в строительстве? Но это как сказать. Довелось мне как-то раз работать в одной стране с верблюдами и финиками в качестве главы строительной фирмы. Справился, однако. Даже чуть было миллиардером не стал. А теперь, в моей новой должности, мне снова приходится заниматься давно забытым делом.

Десятого июня – по новому стилю, ежели что, я вернулся из Ангоры, где по поручению начальства я занимал пост советника султана Абдул-Хамида. Ангорский эмират – это все, что осталось от Османской империи, после того как наша эскадра с налету взяла Константинополь, а затем отжала и все европейские владения Османской империи. И часть ее – Константинополь с прилегающими землями – превратилась в новое государство, именуемое ныне Югороссией.

Тогда же меня отправили в Ангору – для турок Анкару – для помощи Абдул-Хамиду в модернизации его государства. Но в апреле канцлер Югороссии, Александр Васильевич Тамбовцев, приехал с визитом к султану. Тогда-то он и предложил мне вернуться в Константинополь на должность вице-канцлера. И, дождавшись приезда Саши Шелехова, заменившего меня при султани, я отбыл в столицу Югороссии. Все-таки, хотя я и турок по крови, родина моя – Россия, и мне чем дальше, тем больше хотелось домой.

За год Константинополь изменился так сильно, что я еле-еле его узнал. Уезжал я из восточного мегаполиса, в котором приезжим не рекомендовалось появляться в незнакомых кварталах, а поборы и издевательства были в порядке вещей. Грязь, крысы и непонятные личности, которые предлагали все – от гашиша и запретной для мусульман выпивки до юных девиц и даже мальчиков. Все это считалось неотъемлемой частью городского пейзажа.

Теперь же, после того как Стамбул вновь стал Константинополем, все резко изменилось. Передо мной был чистый и современный город. Много, конечно, осталось – муэдзины все так же призывали правоверных на молитву в Голубую мечеть – мою любимую – и в Сулеймание. В многочисленных кофейнях можно было точно так же полежать на диване, цедя малень-

кими глотками вкусный и ароматный турецкий кофе (а желающим подавали и кальян). На улицах раздавались крики продавцов «симитов» – турецких бубликов, – которые, как и прежде, предлагали свой горячий и необыкновенно вкусный товар, хотя теперь уже не с рук (часто немых), а из благоустроенных торговых точек. Зато над Святой Софией и близко к ней расположенной и вновь отремонтированной Святой Ириной горели на солнце восьмиконечные позолоченные кресты – дар императора Александра III, а внутри золотые мозаики, замазанные в свое время, дабы не смущать правоверных мусульман, вновь предстали перед посетителями во всей их красе.

На улицах, в дополнение к уже привычным греческому и турецкому языкам, сдобренным армянским, теперь все чаще слышалась русская речь. В первую очередь это были люди из нашей эскадры. Но в Константинополе уже появились пока еще немногочисленные школьники и студенты. Скоро и школьное образование станет обязательным. А преподавание ведется на всех местных языках, но с обязательным изучением русского, разговаривать на котором стало престижно. Да и книжные магазины, появившиеся на каждом шагу, продавали множество русских книг – одной из причин была неприспособленность арабского письма к турецкому языку, и для тех, кто хоть немного знал язык Пушкина и адмирала Ларионова, проще было читать на русском. Кстати, по моему предложению, в Ангорском эмирате местные ученые при поддержке наших специалистов работают над переходом с арабской вязи на кириллицу. Но реформа пока только готовится, и время для нее еще не пришло.

Кроме того, в Югории проживали теперь многочисленные переселенцы из Российской империи. Большинство из них перебрались сюда самостоятельно, но некоторые прибыли в Константинополь по нашему приглашению. Как, например, мой сегодняшний спутник с его семьей.

Ветер принес облако цементной пыли прямо на нас. Я и мой собеседник, Илья Николаевич Ульянов, словно по команде, чихнули, посмотрели друг на друга и рассмеялись. Сегодня с утра мы обходим строительство и наблюдаем за ходом ведущихся работ. Развалины казарм султанской гвардии были разобраны в прошлом году, а на их месте вырыли котлован и по осени залили фундаменты под здания будущего университета.

Пока шло строительство, занятия для студентов, набранных из местной молодежи, проводились во временных аудиториях – как правило, в домах, брошенных бежавшими из Константинополя турецкими сановниками. Не хватало наглядных пособий, учебников, письменных принадлежностей. Но у студентов было огромное желание учиться, и они терпеливо переносили все трудности, прекрасно понимая, что они, эти трудности, временные.

Я с удовольствием отметил, что Илья Николаевич принимал самое активное участие в хозяйственных работах и организационных мероприятиях. Сказывалась крестьянская сметка – как-никак он был сыном крепостного из Нижегородской губернии, ставшим затем астраханским портным. Да и опыт администратора у него имелся.

Ведь должность инспектора народных училищ, которую занимал Илья Николаевич, не входила в систему государственного образования и содержалась за счет бюджета земств, сельских общин и добровольных пожертвований. Министерство же народного просвещения Российской империи выделяло на них явно недостаточные средства. В обязанности инспектора входил контроль за создаваемыми за счет местных бюджетов школами в плане правильной постановки учебного процесса. Ему приходилось ходатайствовать перед земством об открытии новых школ, готовить и подбирать достойных учителей начальных школ, следить за хозяйственным состоянием школьных учреждений.

В 1869 году в Симбирской губернии числилось 462 народных училища с количеством учащихся свыше 10 тысяч человек, из них не более 90 соответствовали норме, остальные пребывали в жалком состоянии или существовали только на бумаге.

В нашей истории, в бытность Ильи Николаевича инспектором и директором народных училищ, земства, городские думы и сельские общества увеличили отпуск средств на школьные нужды более чем в пятнадцать раз. Было построено около полутора сотен школьных зданий, а количество учащихся в них возросло до двадцати тысяч человек. И это при том что качество образования стало соответствовать принятым нормам, а школы получили грамотных учителей и приемлемые для учебного процесса и проживания учителей здания.

Вот и сейчас Илья Николаевич с утра и до вечера крутился словно белка в колесе, фактически заново создавая систему народного образования в Югории. Ведь ему приходилось заниматься не только университетом, но и прочими учебными заведениями, где тоже все нужно было начинать с нуля. А ведь у него еще была большая семья, которая тоже требовала внимания и заботы. Но он старался выглядеть бодро, шутил, смеялся – словом, показывал мне, что получает истинное наслаждение от порученного ему дела. Впрочем, может, так оно и было? Сознаюсь, что я и сам из породы людей, которых называют трудоголиками.

А вот сейчас у нас с ним разгорелся спор. Илья Николаевич обратил внимание на фундамент будущего спортивного зала и площадку для занятий спортом на открытом воздухе.

– Мехмед Ибрагимович, голубчик, а не слишком ли мы много внимания уделяем этому самому спорту? Физические упражнения к месту в кадетских корпусах и военных училищах. А студентам-то они зачем?

Я тяжело вздохнул. Опять придется объяснять умному и взрослому человеку необходимость здорового образа жизни.

– Илья Николаевич, давайте вспомним Ювенала. «Mens sana in corpore sano»⁵. Будущий ученый должен быть не только умен и образован, но и крепок телом и здоровьем. Вспомните, сколько достойных молодых людей во время учебы получили хронические заболевания и скончались, так и не успев совершить научные открытия, которые обессмертили бы их имя и прославили Россию.

– Да, Мехмед Ибрагимович, – озадаченно произнес Илья Николаевич, – вы правы. А что, этот ваш спорт действительно поможет будущим студентам сохранить здоровье?

– Именно так, Илья Николаевич, именно так, – ответил я. – Но имеется и еще один плюс от занятий спортом. Вы, наверное, обратили внимание, что у нас будут оборудованы спортивные площадки для занятий игровыми видами спорта. То есть студенты будут соревноваться между собой не индивидуально, а командами.

– И что это даст? А также поясните, Мехмед Ибрагимович, о каких таких игровых видах спорта вы говорите? Неужто студенты, как дети малые, будут играть в лапту или догонялки?

– Вообще-то есть на свете много игровых командных видов спорта, о которых в России еще плохо знают. Вы видели, как наши солдаты играли друг с другом в мяч? Так вот, если они перекидывают друг другу мяч руками – это называется баскетболом или волейболом. А если ногами – футболом.

Кстати, и лапта – точнее, ее варианты, бейсбол и крикет, – весьма распространена в САСШ и Англии с ее колониями. В Америке бейсбол называют национальной игрой или национальным развлечением. Есть даже профессионалы, получающие за игру деньги. Может, такое случится и у нас, но не в этом дело.

Ведь почему мы уделяем так много внимания именно командным видам спорта? Дело в том, что студенты наши – представители разных народов, проживающих как на территории Югории, так и в Российской империи, а вскоре и других стран. Мне совсем не хочется, чтобы создавались замкнутые землячества, которые вызовут со временем нежелательные процессы и противоправные поступки.

⁵ В здоровом теле – здоровый дух (лат.).

Каждая обособленная группка, сплоченная по национальному признаку, рано или поздно попытается подмять под себя другие. Тут могут вспомниться и давнишние национальные обиды, и антипатии. Мне это еще более знакомо, чем вам – мои предки, как вы, наверное, знаете, турки.

А мы вместо этих землячеств создадим команды, в которые войдут студенты разных национальностей.

В игре они научатся понимать друг друга, помогать, не жалеть себя во имя общей победы. Команды по национальному признаку создавать будет запрещено. Все же вместе они будут общей командой Константинопольского университета. Мы изготовим особый значок, который будет вручаться всем выпускникам, и который они будут с гордостью носить всю оставшуюся жизнь.

– Гм, Мехмед Ибрагимович, – произнес Илья Николаевич, поглаживая окладистую бороду, – это будет что-то вроде Братства лицеистов. Я слышал, что нечто подобное существует в их среде.

– А почему бы и нет? – ответил я. – Ведь это сдружит этих ребят, и потом, когда они займут достойные места в различных государственных учреждениях и учебных заведениях самых разных стран, они будут легче находить друг с другом общий язык.

– Надо подумать об этом, – задумчиво произнес Илья Николаевич, – в вашем предложении я вижу рациональное зерно.

Так за разговорами мы закончили обход стройплощадки, после чего тепло попрощались друг с другом. Илья Николаевич отправился заниматься своими делами, а я, еще раз понаблюдав за строительными работами, зашагал в свою канцелярию. Дел у меня было невпроворот. Ведь пока Александр Васильевич в отъезде, все местное хозяйство на моих плечах. А когда он вернется – неизвестно, ведь в ближайшее время ожидается начало драматического действия. На территории САСШ вот-вот разразится новая Гражданская война, которая должна закончиться разгромом алчных янки, возрождением Конфедерации и появлением в Северной Америке наших новых владений. Россия снова возвращалась в Америку. И не важно, что теперь она называлась Югороссией...

29 (17) июня 1878 года. Тихий океан у города Ванкувер, борт парохода «Аппоматокс»

Капитан Мартин Фабриссиус ван Дорн, командир роты В Девятого пехотного полка армии САСШ

Я с грустью смотрел на изумрудно-зеленый берег Северного Орегона, который так и не стал нашим. Всего три дня назад мой полк первым пересек границу между территорией Вашингтон и землями, незаконно удерживаемыми британскими свиньями. Небольшую пограничную заставу мы смяли, практически не заметив, и успешно продвигались к Гэстауну⁶. Но вчера к нашему полковнику Джону Кингу примчался гонец на взмыленном коне. Через десять минут Кинг пригласил нас, командиров рот, на совещание и объявил, что англичашки трусливо передали свои территории югороссам и что президент Хейс отдал приказ немедленно прекратить боевые действия.

Про югороссов наслышаны были все – после того как они наголову разгромили англичан на Черном и Средиземном морях, их зауважали. А когда они пинком под задницу вышвырнули англичан из Ирландии... Да, конечно, в этом славном деле участвовали как сами ирландцы, так и другие национальные контингенты, включая, как писали в газетах, некий Добровольческий корпус из САСШ, о котором я, сказать честно, услышал впервые. Но главную скрипку во всем

⁶ Современный Ванкувер.

этом деле играла, конечно, все та же Югороссия. Я тогда еще подумал, что дурак тот, кто захочет воевать с ними, ну или человек, скажем так, абсолютно далекий от военных реалий. Впрочем, таковых – как дураков, так и штатских ура-патриотов – у нас в Конгрессе и в Палате представителей, да и в Сенате, увы, пруд пруди.

Впрочем, к русским я всегда относился хорошо, с тех пор еще, как русская эскадра пришла в Нью-Йорк во время Войны мятежа и угроза английского вторжения после этого сошла на нет. До сих пор вспоминаю их флаг, белый с косым синим крестом, их добродушных моряков, которые нет-нет да одаряли нас, мальчишек, щепоткой табаку, который мы у них постоянно выпрашивали, и их молодцеватых офицеров, козырявших нашим девушкам... А югороссы, как у нас писали – тоже русские, но немного другие. Впрочем, пока мы с ними не воюем, я не собираюсь ломать голову над этим вопросом. Тем более что полковник продолжал:

– Завтра будут присланы пароходы, и полк переправят в Сан-Франциско, точнее, в близлежащую Аламиду. Оттуда нас пошлют в место новой дислокации – для большинства рот это будет Новый Орлеан, а вот роты В, С, G и H отправятся в город Мобил в штате Алабама.

И еще. Всех командиров рот попрошу в течение трех дней предоставить мне списки офицеров и солдат ваших рот, которые родились в рабовладельческих штатах либо когда-либо высказывали хоть малейшую симпатию к Югу. Да, капитан? – сказал он, увидев мой полупоклон.

– Полковник, вносить ли в эти списки уроженцев южных штатов, которые не примкнули тогда к Конфедерации?

– Капитан, хорошо, что вы задали этот вопрос. Да, вносить. Еще вопросы есть? Нет? Тогда все свободны, кроме майора Инграма.

Интересно, подумал я, выходя из палатки полковника. Когда южане начали свою войну, мне было всего тринадцать лет. Мой отец, Питер Ван Дорн, был тогда владельцем трех торговых кораблей (теперь их уже восемь) и жили мы на Манхэттене. Я до сих пор помню мятеж в Нью-Йорке против призыва в армию и погромы в негритянских кварталах. Как и многие мальчишки, я вприпрыжку бежал за погромщиками, радостно вопя и улюлюкая.

В тот же вечер отец как следует выпорол меня и запер в детской. В результате, когда в город вошла армия и начались бои с мятежниками, я не пострадал. Кстати, ни отца, ни трех моих старших братьев не призвали – ведь достаточно было заплатить триста долларов, чтобы тебя оставили в покое. А мне почему-то очень хотелось повоевать.

И если мои братья пошли по родительской стезе, то я так долго приставал к отцу, что он наконец плюнул и устроил меня в Военную академию САСШ в городишке Вест-Пойнт. Закончив ее с отличием, я четыре года назад оказался в Девятом пехотном полку, а полтора года назад меня назначили командующим ротой В вместо погибшего в боях с индейцами капитана Вилкокса. Потом последовала экспедиция в Чикаго для усмирения очередного вооруженного мятежа, устроенного местным ирландским сбродом. Но настоящее боевое крещение в качестве командира роты я должен был получить здесь, в Северном Орегоне. И вот теперь такое разочарование...

Списки я составил быстро – своих солдат я знал в лицо, и про каждого – его место рождения, а также кое-что о его политических взглядах. Южан у меня было всего семеро, да и те все происходили кто из Кентукки, кто из Миссури, то есть из не примкнувших штатов. А таких, кто восхвалял Конфедерацию, у меня точно не было. Были ирландцы, которые ненавидели Англию, были северяне, ненавидевшие южан, была парочка пенсильванцев, постоянно поносивших тамошних немцев, коих там, по их словам, засилье. Но открытой симпатии к южанам у меня не было в принципе. По моему приказу взводные сообщали мне о любых инцидентах, так что я мог быть стопроцентно уверен.

Дорога до Аламиды заняла пять дней. Там нас уже ждали железнодорожные составы, которые должны доставить нас в Новый Орлеан и Мобил. Семерых из моего списка, равно как

и около сотни других, увели куда-то под конвоем еще в порту Алаамиды, а мы отправились в дальнейшее путешествие. Меня приятно удивило, что в Канзас-Сити мы прибыли менее чем за двое суток – когда я впервые направлялся в Девятый полк, дорога от Нью-Йорка до той же Алаамиды заняла десять дней.

Во время стоянки в этом забытом Богом городишке на границе прерий нас вызвал полковник Кинг. После непродолжительного приветствия и напоминания, что через полчаса поезда, пополнившие запасы угля и воды, двинутся дальше, он перешел к делу:

– Джентльмены, нам предстоит операция по окончательному усмирению этой южной сволочи. Мы занимаем те же форты, откуда войска ушли всего год с небольшим назад, после чего будет объявлено о начале Второй Реконструкции. Инструкции вы получите накануне этого события в Новом Орлеане у меня, а те, кто едет в Мобил, – у майора Инграма. Его же я объявляю начальником гарнизона в Мобиле и военным комендантом города. Джентльмены, у меня все. Если есть вопросы, задавайте.

Вопросов на сей раз не было. Точнее, их было выше крыши, но задать их никто не решился.

2 июля (20 июня) 1878 года. САСШ. Вашингтон

Президент САСШ Рутерфорд Бирчард Хейс

В этот день президент Хейс чувствовал себя нехорошо с самого утра. Нет, здоровье его было вполне нормальным, но президента мучили нехорошие предчувствия. Как-то так получалось, что с некоторых пор задуманное им шло наперекосяк. Взять, к примеру, эту авантюру с Северным Орегоном. Казалось, все идет так, как должно – униженные и запуганные британцы после энергичного на них нажима безропотно отдадут эти территории САСШ.

Но тут откуда-то нелегкая принесла этих проклятых югороссов, которые заявили к государственному секретарю Вильяму Эвертсу, и на тебе – положили ему на стол договор с Соединенным королевством, согласно которому все, что должно было стать собственностью САСШ, англичане отдавали Югороссии.

«Бедняга, – вздохнул Хейс, – когда Эвертс рассказывал мне все это, на него было просто жалко смотреть. У государственного секретаря дрожали руки, словно накануне он пил это проклятое виски, а пот струями стекал по его лицу. Вполне возможно, что после того, что ему пришлось выслушать от этих югороссов, он действительно напился.

А тут еще информация от наших тайных агентов о том, что проклятые конфедераты снова зашевелились и готовятся взять реванш за поражение в Гражданской войне.

Каким же мерзавцем оказался Джефферсон Дэвис, – подумал Хейс, – все ему нейдет. Нет, зря его тогда выпустили из тюрьмы в Форт Монро. Надо было, чтобы он в ней подох. Но того, что тогда не сделали, уже не исправишь. Если теперь он снова попадет в наши руки, его следует немедленно пристрелить. Подумать только, какую этот самозванный президент себе команду сколотил – один его приятель омерзительнее другого. Там и генерал Форрест, и адмирал Семмс. Все они кандидаты на виселицу.

Правда, как мне сообщили верные люди, за ними снова маячат эти таинственные югороссы. Интересно, почему они так нас ненавидят? Даже с Англией, которая сделала им много разных гадостей, они в конце концов как-то сумели договориться. Правда, для этого королеве Виктории пришлось отдать кое-что из британских колониальных владений. Но у Соединенного королевства их осталось еще много, и теперь, замирившись с Константинополем, англичане могут на время перевести дух. Как мне рассказывали, югороссы всегда держат данное ими слово.

Вообще же это, конечно, глупо. Обстоятельства часто меняются, и порой о данном когда-то слове можно и позабыть».

Хейс кивнул своим мыслям и продолжил свои размышления.

«Может быть, имеет смысл попытаться договориться с Югороссией? Кое-что мы им уступим, кое-что пообещаем. Только нельзя это дело поручать пьянице Эвертсу. Надо будет хорошенько подумать, кого послать к югороссам. Тут нужен человек ловкий, как престиджитатор, скользкий, как угорь, способный умыться огнем и пролезть даже в замочную скважину. Надо подумать хорошенько, но не тянуть – времени у нас осталось не так уж и много».

– Сэр, – с почтением произнес слуга, вошедший в кабинет президента, – вы просили напомнить, что сегодня к обеду вам следует быть в Сенате. Ваш костюм готов. Прикажете его принести?

Хейс безгласно поморщился, словно почувствовал запах спиртного. Ему почему-то очень не хотелось ехать в Сенат. Наверняка там ему зададут множество неприятных вопросов, на которые придется отвечать. Но ехать все же надо. И сенаторам, и президенту грозила страшная опасность. Ведь если эти конфедеративные недобитки победят, то всем им крышка. Им вспомнят все – и Реконструкцию, и бесчинства черной милиции, и сожженные усадьбы, и убитых родственников. Надо, чтобы все это осознали и поняли, что они сидят в одной лодке, и только дружно работая веслами можно удержаться на плаву.

Президент послушно отдал себя в руки слуги, который помог ему облачиться в серый смокинг. Вручив хозяину белоснежные перчатки, трость и серый цилиндр, слуга сделал шаг назад и критически осмотрел Хейса. Сняв с плеча невидимую соринку, он отвесил почтительный поклон главе государства, после чего подошел к двери и распахнул ее. Президент еще раз тяжело вздохнул и неожиданно подумал, что, может быть, действительно не стоит сегодня ехать в Сенат. Можно послать секретаря, который сообщит сенаторам о том, что президент приболел и просит перенести встречу.

Но старая привычка к дисциплине (как-никак он когда-то был военным и даже дослужился до звания бригадного генерала) заставила его собраться. Президент решительным шагом направился к выходу.

У ограды, как обычно, толпились зеваки, которые желали своими глазами увидеть президента. Хейс поморщился. Он не любил весь этот шум и публичность, прекрасно понимая, что граждане САСШ приходят к Белому дому не для того, чтобы продемонстрировать свое почтение главе государства. С таким же азартом они толпились бы на ярмарке в своем убогом городишке, куда разные прохиндеи привозят бородатых женщин, русалок и прочих уродцев.

Вот и сегодня у ограды Президентского особняка⁷ отиралась провинциальная публика. Судя по одежде, это были фермеры из центральных областей САСШ – в широкополых шляпах, кожаных жилетках и вошедших в моду после Гражданской войны брюках из плотной хлопчатобумажной ткани. Они не умели себя вести и громко комментировали все ими увиденное, сопровождая свои слова непристойными ругательствами. Хейс поморщился – от зевак исходил ядреный запах дешевого виски.

К выходу из садика перед Белым домом уже была подана карета, на которой Хейс намеревался проследовать в Сенат. Сотрудники Секретной службы старались оттеснить толпу от кареты, но без особого успеха. Нахальные зевачи не желали их слушать и вступили с охранниками в перепалку. Хейс тяжело вздохнул. Он вспомнил, что указ о создании на базе Министерства финансов Секретной службы по охране президента был подписан беднягой Линкольном 14 апреля 1865 года. Вечером того же дня в театре Форда президент был застрелен актером Джоном Уилксом Буттом.

⁷ Название Белый дом до 1898 года было лишь неофициальным – официально это был Executive Mansion, Президентский особняк.

Хейс нахмурился. Ему снова вдруг очень захотелось плюнуть на все и вернуться назад, в свой любимый и уютный особняк. Но он собрался и решительно шагнул к карете, в которой уже была опущена подножка, а у двери стоял лакей в ливрее.

Краем глаза президент успел заметить мужчину, который, растолкав зевак, решительно шагнул к нему. В руке незнакомец держал небольшой двустольный капсюльный пистолет. Хейс шарахнулся в сторону, но расстояние между ним и незнакомцем было минимальным – не более пяти футов. Грянули два выстрела. 19-й президент САСШ рухнул как подкошенный. Он был мертв. Даже далекие от военно-полевой хирургии люди это поняли сразу – обе пули попали Хейсу в голову, превратив ее в кровавое месиво.

В толпе зевак пронзительно завизжала женщина. Мужчины, стоявшие у кареты, испуганно шарахнулись в сторону. Убийца же, воспользовавшись общим замешательством, бросил пистолет на землю и пустился наутек.

Только тогда охранники вспомнили о своих прямых обязанностях. Один из них помчался за убегающим убийцей, размахивая револьвером и требуя, чтобы тот остановился и поднял руки. Но злодей и не думал останавливаться. Бегал он неплохо, и через пару минут охранник понял, что ему его не догнать. Тогда секьюрити поднял свой «Pocket Police», тщательно прицелился и выстрелил.

Что-что, а стрелять он умел. Беглец закрутился юлой, потом ноги его подкосились, и он, ухватившись за газовый фонарь, стал медленно сползать на землю. Подбежавший охранник, держа оружие наготове, осмотрел убийцу. Тот был еще жив, но секьюрити, успевший повоевать в Гражданскую войну, сразу понял, что неизвестный более не жилец на этом свете. Пуля пробила ему грудь и, по всей видимости, задела легкое. На губах у злодея пузырилась кровь, он тяжело дышал, булькая и захлебываясь. Вскоре грудь его перестала вздыматься, глаза закатились. Охранник понял, что перед ним лежит труп.

– Идиот, – выругался начальник Секретной службы, подбежав к своему подчиненному. – Ты что, умеешь вызывать духов и беседовать с ними? Я не умею. Ведь ты мог не убивать его, а просто прострелить ему ногу. Как мы теперь узнаем, что это за человек и почему он вдруг решил убить президента?

Охранник лишь развел руками. Он преследовал преступника и, когда понял, что тот может уйти от погони, застрелил его. Бедняга не знал, что убийца президента при любом раскладе был обречен. Если бы даже ему и удалось оторваться от погони, «бдительные граждане» сообщили бы в полицию о подозрительном человеке, по приметам схожем с убийцей президента. И того пристрелили бы при задержании. Обывателю нужен злодей-южанин, который коварно убил президента Хейса. Теперь же в наличии имелось и то и другое – мертвый президент и его убийца (тоже мертвый). И родом он был из одного из южных штатов.

Отклики мировой и американской прессы на известие об убийстве президента САСШ Рутерфорда Бирчарда Хейса:

Британская «Таймс»: «Еще один американский президент застрелен! У этого народа вошло в традицию убивать глав своего государства!»

Французская «Фигаро»: «Убийство президента Хейса – спичка, поднесенная к бочке с порохом! Америка стоит на пороге новой гражданской войны?»

Германская «Альгемайне цейтунг»: «Выстрел в президента Хейса – первый выстрел в новой войне между Севером и Югом! Что останется от Соединенных Штатов после нового кровопролития?»

Австрийская «Нойес фремденблатт»: «Черeda политических убийств не прекращается! Император Александр II и президент Хейс стали жертвами злодеев! Кто следующий?»

Российская «Санкт-Петербургские ведомости»: «Президент САСШ Гайс⁸ стал первым погибшим в новой гражданской войне! Кому это выгодно? Кто направил руку убийцы?»

Нью-Йоркская «Нью-Йорк трибюн»: «Президент Хейс убит по пути в Конгресс! По предварительным сообщениям, убийца – южанин».

Массачусетская «Бостон пост»: «Подлый убийца с Юга застрелил нашего президента! Мы считаем весь Юг виновным в этом ужасном злодеянии и требуем незамедлительных и жестких ответных мер!»

Южнокаролинская «Чарльстон курьер»: «Застрелили президента Хейса, которому Юг обязан концом Реконструкции. Обвиняют выходца из Северной Каролины – но кто за ним стоит?»

4 июля (22 июня) 1878 года. Утро. Дублин, борт БДК «Саратов»

Командир сводной российско-югоросской конно-механизированной бригады генерал-майор Вячеслав Николаевич Бережной

Бригада, которой мне поручено командовать, создана на основе наших четырех рот морской пехоты, пришедших сюда из XXI века, и восьми кавалерийских эскадронов российских добровольцев, участвовавших в войне за освобождение Ирландии. Техника, включая артдивизион МСТА-С и танковую роту на Т-72, была уже погружена на «Колхиду», конский и личный состав находился на борту четырех БДК. «Солнцебеки», РСЗО, «Искандеры» и «Панцири» были сочтены избыточными и остались в Константинополе на базе хранения.

Помимо конных эскадронов, артдивизиона, танковой роты и рот морской пехоты, в составе бригады имелся находящийся сейчас на «Адмирале Кузнецове» разведывательный батальон, состоящий из «спецов» нашей изначальной роты СпН ГРУ и двух рот лихих кубанских пластунов. Кстати, один из моих заместителей – генерал-майор Александр Александрович Пушкин, который сперва участвовал в войне с Турцией на Балканском фронте, потом записался добровольцем и повоевал за освобождение Ирландии, а теперь отправляется с нами – на этот раз чтобы громить янки.

С кубанскими пластунами мы отлично сработались во время похода к Басре и обратно. Они позаимствовали некоторые наши приемы, мы переняли часть их ухваток. В результате такого обмена опытом появилось подразделение, которое можно выпускать хоть против первобытных охотников за головами, хоть против американских «зеленых беретов».

В Персидском походе им даже порезвиться по-настоящему не удалось. Все нехорошие люди при первом же известии о нашем приближении брали ноги в руки и стремились удалиться как можно дальше от нас и как можно быстрее. На Ближнем Востоке, в кругу свирепых деспотов, несообразительные редко выживают, потому-то тамошний незаконопослушный народ так осторожен и пуглив. Теперь казачки надеются, что американцы не будут такими шустрыми и позволят отработать на себе самые интересные приемы.

Впрочем, место и время, когда надежды наших ребят сбудутся, еще не определены. Возможно, мы высадимся в мэрилендском Аннаполисе и нанесем удар по Вашингтону, до которого из столицы Мэриленда всего с полсотни километров, причем не придется форсировать ни одной крупной реки. То, что подобная операция обречена на успех, даже не обсуждается. Вот только что она даст...

Ведь по достоверным сведениям в Мэриленде, практически не тронутым Гражданской войной и последующей Реконструкцией, жизнь намного лучше и богаче, чем в Виргинии, его

⁸ Именно так писалась его фамилия в России XIX века.

соседе с юга. В 1861 году Мэриленду уйти на Юг не дали грубой силой, но сейчас там много людей, считающих, что это пошло на благо их штата. Да, кое-кто потерял своих рабов, причем без всякой компенсации. Но таких было относительно немного, и, кроме того, землю у них никто не отбирал, и те же бывшие невольники работают на тех же плантациях и дальше, обычно в обмен на часть урожая. Кроме того, помещикам более не приходится ни кормить бывших рабов, ни лечить их, ни содержать их в старости. Так что, если подвести итог, финансовые их потери были не так уж велики. Поэтому далеко не все будут нам рады.

А в собственно Вашингтоне большинство населения – приезжие из северных штатов. И мы для них однозначно являемся врагами. Тем более что основная статья доходов населения так или иначе связана с правительством и Конгрессом. Во-первых, те, кто оплачивается из федерального бюджета: президент, сами конгрессмены из обеих палат, секретари – так здесь именуют министров. Далее сотрудники самых разных аппаратов: министерств, называемых в САСШ департаментами, офисов конгрессменов, администрации округа Колумбии, верховного суда. Военные – их в городе много. Ну, и торговцы, а также прочие, обслуживающие всю эту ораву. И далее по списку. Так что вряд ли кто-нибудь из них обрадуется нашему появлению в городе.

Будь моя воля, я бы развалил этот эпицентр мирового зла до основания, не оставив в нем и камня на камне. А всех, кто имел счастье представлять так называемую американскую властную элиту, расстрелял бы на месте, чтобы другим было неповадно. Всю мою сознательную жизнь я, подобно Катону, повторял: «Вашингтон должен быть разрушен».

Но милейший Александр Васильевич Тамбовцев заронил в мою душу изрядную долю сомнения. Ну, развалю я Вашингтон, и что с того? Думающие точно так же янки могут вновь собраться в Бостоне, Филадельфии, Олбани, Питтсбурге или Буффало. Идеи американской исключительности не зависят от места, в котором группируются носители этой идеи. Ведь люди, которые обрекают мир на всякие пакости, родом отнюдь не из Вашингтона. Просто их тусовка собирается там. Поэтому жечь американскую столицу так же бессмысленно, как воевать с ветряными мельницами.

Тем не менее именно под эту задачу внезапной высадки десанта и стремительного захвата вражеской столицы или иного города мы формировали и обучали сводную бригаду. При этом в расчет было взято то, что поддерживать наши действия будет барражирующая возле побережья авианосная морская группировка в составе «Адмирала Кузнецова», крейсера «Москва» и танкера «Иван Бубнов». Конечно, удержание вражеской столицы в наши планы не входит – мы скальпель, а не дубинка. Именно потому наш удар будет нанесен лишь тогда, когда население Мэриленда поймет, что янки не их друзья, и вспомнит, что они – часть Юга. Мы должны стать для них не агрессорами, а освободителями. А столицу мы передадим южанам – с условием, что репрессий против мирного населения по образу и подобию Реконструкции не будет. Что с городом будет дальше, решать им – если захотят, пусть сделают его своей столицей, тем более что город находится на Юге.

Конечно, не факт, что целью удара станет именно Вашингтон. Возможно, ради принуждения к миру мы возьмем один из северных городов – по своему географическому положению наиболее удобны Нью-Йорк либо наиболее враждебно настроенный по отношению к южанам Бостон. Хотя можно взять и Филадельфию, проследовав туда через Делавэр либо юг Нью-Джерси. Может быть, если дела у южан пойдут очень плохо, придется освободить Чарльстон, Саванну или виргинский Норфолк. Но выбор места высадки еще предстоит, в зависимости от ситуации на фронтах. И планы всех операций должны быть готовы к моменту нашего прибытия на Бермуды.

Именно так – мы идем на Бермуды, только что вошедшие в состав Югории. Конечно, там хорошо – теплый и мягкий климат, ласковое море, чуть ли не самые северные в мире коралловые рифы... Но главное, оттуда можно дойти практически до любой точки американ-

ского восточного побережья за двое суток. Так что особо расслабляться не будем – разве что хотелось бы разок сплавать с аквалангом – и ждем приказа. А он может последовать в любой момент.

Кстати, мы выходим в море четвертого июля – ровно через сто два года после вступления в силу американской Декларации независимости. Четвертого июля 1776 года решение Континентального конгресса от второго июля того же года о провозглашении независимости вступило в силу. Мотивировалось это борьбой с тиранией. Тем не менее декларацию долго практически никто не отваживался подписать – почти все автографы под сим великим документом были поставлены неделями позже, и под первой печатной версией красовалась лишь подпись Джона Хэнкока, делегата от Массачусетса и президента Континентального конгресса. Зато менее чем девяносто лет спустя янки задушили независимость той части страны, которая не захотела мириться с такой же тиранией.

Но вот и все, сборы завершены, корабли поднимают якоря и отдают швартовы. А на берегу черно от народа. Ирландцы пришли проводить тех, кто принес им свободу, кто освободил их остров от жесточайшей тирании, а многим и вообще спас жизнь. Говорят, что в самое ближайшее время в Дублинском замке соберется на свое первое заседание Международный трибунал, который должен будет судить и тех, кто придумал и инициировал в парламенте этот ужас, и тех, кто проводил в жизнь людоедские указания – убивать людей безо всякого следствия, без установления истины, прикрываясь лишь формальной видимостью юридической процедуры.

Судить будут всех. И тех, кто выжил и теперь может дать ответ за свои деяния, и тех, кто был убит в ходе освобождения Ирландии местными повстанцами, добровольцами-южанами, солдатами регулярной королевской армии, или же нашим югоросским спецназом. Каждый будет оценен, взвешен и покрыт несмываемым позором, в последнем варианте – посмертно.

Кстати, я долго смеялся, когда узнал, что новый ирландский король с чисто русским тонким юмором обыграл аббревиатуру IRA, которая по-английски может означать и Ирландскую Республиканскую армию, и Ирландскую Королевскую армию. И эти три буквы, намалеванные на стенах домов то печной сажой, то мелом, то цинковыми белилами, исправно наводили ужас на английских оккупантов, вплоть до того самого момента, когда эта армия явилась в Ирландию во плоти и прекратила английский балаган.

Сам же этот король, русский по крови, точнее, югоросс, взял в жены русскую аристократку, ведущую свой род от Рюрика, и сделал ее королевой Ирландии. Кстати, король и королева тоже среди провожающих, машут – он фуражкой, она платочком, а оркестр в это время на берегу играет «Прощание славянки».

Якорь поднят, корабль дает ход, сначала малый, потом средний, кричат за кормой чайки, вылавливающие в кильватерной струе оглушенную винтами рыбешку, вскипает за бортом волна. Стоявшие на якорях в Дублинском заливе в отдалении от берега «Москва», «Адмирал Кузнецов», «Североморск», «Адмирал Ушаков», «Ярослав Мудрый», «Сметливый» и танкеры уже построены в походный ордер. Нам – четырем БДК и «Колхиде» – остается только занять в этом ордере свое место. Великий американский поход против патентованной заокеанской демократии начался, и если Бог с нами, то кто же тогда против нас?

Кстати, Жаклин наотрез отказалась уезжать в Константинополь и сопровождает меня в качестве жены-адъютанта. Она мне заявила, что не простит мне, если из-за моих настоящих требований уехать в безопасный Константинополь будет вынуждена пропустить все самое интересное. Не каждый же день мы сокрушаем одни государства, чтобы на их месте возникли другие, которые будут лучше, чище и добрее своих предшественников.

Ведь в этом и состоит наша великая миссия. Мы приходим туда, где смерть, ужас, скорбь и ярость, а когда уходим, то там мирно смеются дети. А «исключительные», которых мы хотим ликвидировать в этом мире, прикрываясь именем Бога, приходят туда, где до них не было

ничего, кроме мира и покоя. А когда они уходят, то оставляют после себя только кровавый хаос.

8 июля (26 июня) 1878 года. Вашингтон, Капитолий, зал Сената

Джордж Робертсон Деннис, сенатор от Мэриленда

Куда катится этот мир? Сначала Джон Вилкс Бут застрелил президента Линкольна. Да, на совести «честного Эйба» были и Война между штатами⁹, и освобождение наших рабов без всякой компенсации, и многочисленные зверства в ходе самой войны. Но мы в Мэриленде отделались сравнительно легко – те, кто сидел тихо, за редкими исключениями пережили те страшные времена, разве что потеряв своих невольников. Конечно же, те, кто выступал не по делу, оказались, по словам Фрэнки Ки Говарда, «в американских Бастилиях», и далеко не все из них выжили. Но надо же понимать, когда можно пользоваться свободой слова, а когда нельзя. Ведь нам повезло – наши города не сожгли, наших женщин не отдали на поругание, наше имущество, кроме двуногого, не разграбили.

А теперь какой-то мерзавец-сецессионист убил президента Хейса. Новый президент, Уильям Уилер, выдвинул кандидатуру сенатора Джорджа Фрисби Хоара на пост вице-президента, и сегодня нам предстоит подтвердить его кандидатуру. Конечно, Хоар – порядочная сволочь, но выбора у нас особого нет. Потом нам предстоит проголосовать по ряду неотложных законов, причем даже текста этих законов нам заранее не раздали.

Меня несколько удивил тот факт, что у обоих выходов из здания Капитолия находилось по роте солдат. С другой стороны, наверное, это правильно – вдруг другие сторонники сецессии ворвутся в Конгресс, чтобы перестрелять половину из нас?

Конечно, многие стали возмущаться, когда у нас изъяли оружие, но, посмотрев на хмурые физиономии военных, револьверы и пистолеты сдали все. Я занял свое место в зале Сената, и Хоар, временно исполняющий должность президента Сената¹⁰, объявил о начале голосования по утверждению его персоны на должность вице-президента.

Как и ожидалось, за него проголосовали почти все, кроме немногих южан-демократов, после чего Хоар был приведен к присяге. Затем, упомянув вскользь, что его место в Сенате займет тот, кого назначит губернатор штата Массачусетс (как будто мы об этом не догадывались), он неожиданно позвонил в колокольчик, и в зал вошли вооруженные солдаты.

Оружия не было ни у кого, но некоторые сенаторы начали возмущаться, после чего последовало несколько выстрелов в потолок нашей древней Палаты. Там появились дыры, посыпалась штукатурка, а стрелявшие как ни в чем не бывало стали перезаряжать ружья. Другие же наставили свое оружие на сенаторов. Разговоры сразу стихли, а Хоар объявил:

– Джентльмены. В последнее время в нашей стране, названной поэтом «землей свободных, домом смелых», стали происходить ужасные события – мерзкое убийство президента Хейса, возвращение предателей-южан на должности сенаторов и членов Палаты представителей, не говоря уже о политике самих этих штатов. Это показывает, что Реконструкция была прекращена слишком рано, да и проводилась она чересчур мягко. Эту ошибку нужно немедленно исправить. Именно поэтому я прошу вас принять пакет законов о Второй Реконструкции.

«Да, – подумал я, – сами и виноваты. Не стали бы тогда отделяться, никакой Реконструкции бы не понадобилось».

⁹ Одно из названий Гражданской войны в САСШ.

¹⁰ Согласно американской Конституции президентом Сената является вице-президент.

Посмотрев на Огастаса Мерримона, коллегу из Северной Каролины, сидевшего недалеко от меня, я увидел, что тот вцепился в поручни своего кресла так, что у него побелели костяшки на руках. А Хоар продолжал:

– Все граждане неблагонадежных штатов теряют право голоса и все гражданские права, если на момент Мятежа они оставались на этих территориях. Это не касается тех граждан этих штатов, которые прибыли с Севера после капитуляции мятежников.

Среди южан начался ропот. В этот раз в нашей палате никто не стрелял – выстрелы послышались из Палаты представителей, за ними последовал чей-то вопль, потом грохнул еще один выстрел, и вопль прекратился. Мерримон побелел и вскочил:

– Я требую...

– Мистер Мерримон, вы арестованы, – сказал Хоар. – Взять его!

Трое солдат прицелились в сенатора, а двое других подошли к нему и, схватив его под руки, надели на него наручники и вывели из Сената. Начавшийся было ропот стих, и Хоар продолжил:

– Далее. Все сенаторы и члены Палаты представителей от этих штатов, если они подпадают под вышеуказанные ограничения, немедленно лишаются этих должностей, с них снимается неприкосновенность, и они препровождаются в тюрьму округа Колумбия, где для них уже приготовлены удобные камеры, – тут Хоар зловеще улыбнулся, а затем продолжил, читая по списку, поданному ему услужливым молодым человеком: – В частности, это касается следующих бывших сенаторов: Джорджа Элайфаза Спенсера, Огастаса Хилла Гарланда, Чарльза Уиллиама Джонса...

Конечно, за вышеуказанный проект никто еще не голосовал, да и то, что происходило, было прямым нарушением не только правил Сената, но и Конституции. Тем не менее все – или почти все – молчали, пока солдаты надевали наручники на названных Хоаром сенаторов и выводили их из зала Сената.

Всех удивило поведение сенатора от Флориды Саймона Барклая Коновера. Несмотря на то что он был из Нью-Джерси и воевал на стороне Севера во время Войны между штатами, он встал и объявил:

– Тогда заберите и меня.

– Но вы же не мятежник, – удивился Хоар.

– Заберите и меня.

– Как вам угодно, – усмехнулся Хоар, подождал, пока выведут и его, и продолжил: – Армия снова вводится во все крупные города Юга. Командующие этими частями назначаются военными губернаторами военных округов – список округов прилагается к законопроекту – с правом наводить порядок так, как они считают нужным. Это касается как имущества тех, кого лишили гражданских прав, так и их жизни и смерти, причем военные губернаторы и их подчиненные освобождаются от любой ответственности перед судом. Права тех жителей этих территорий, которые прибыли с Севера после Мятежа, остаются неприкосновенными.

С текстом законопроекта вы сможете ознакомиться после голосования. Из-за опасности, угрожающей нашей стране, не вижу причин для дебатов. Предлагаю проголосовать простым поднятием рук. Кто за?

Я бы никогда не проголосовал за подобный законопроект, но, когда в тебя целится целая рота солдат, иной выбор сделать было небезопасно. Тем более что из Палаты представителей вдруг послышались бурные аплодисменты – похоже, они приняли этот закон. И я, как и все, поднял руку.

– Единогласно, – усмехнулся Хоар. Тут открылись двери, и вошел Сэмюэл Рэндолл, спикер Палаты представителей, который протянул Хоару лист бумаги.

– Господин вице-президент, хочу вас проинформировать – Палата представителей приняла законопроект единогласно. Вот свидетельство.

Хоар взял перо и подписал этот листок, а также другой, на котором, судя по всему, был указан результат голосования у нас в Сенате. Конечно, у новоявленного вице-президента не было на это никакого права – законы подписывает только президент. Но кто собирался с ним спорить? А он, дождавшись окончания бурных, продолжительных аплодисментов (хлопал, понятно, и я), вдруг добавил:

– Позвольте вас ознакомить с приложением к только что принятому закону. Согласно ему, поражение в правах касается не только сецессионистов, но и граждан, и особенно представителей штатов, в которых рабство было разрешено в 1861 году. Это включает Мэриленд, Делавэр, Кентукки, Миссури и Западную Виргинию.

Я опешил и вдруг почувствовал, как за руки берут уже меня, а на запястьях у меня защелкнулась холодная сталь наручников. Меня потащили из зала, а когда я попытался что-то сказать, кто-то ударил меня по почкам и рявкнул:

– Иди-иди, сецессионистская сволочь, не упирайся!

Нас вывели под холодный дождь и повели перед глазами праздной публики – зеваки орали и улюлюкали нам вслед. Вскоре меня впихнули в камеру, в которой не было даже матрасов – только голый пол. Через единственное окошечко просачивалось немного света, и я увидел перед собой окровавленное лицо Огастаса Мерримана, похожее на жуткую маску из книг мистера По. Маска улыбнулась, обнажая наполовину выбитые зубы и окровавленные десны, и я услышал голос своего коллеги по несчастью, с которым я хотя и не дружил, но который всегда был вежлив и корректен:

– Ну что, бывший сенатор Деннис, хотел отсидеться? Думал, что тебя не тронут? Ну и как, получилось?

12 июля (30 июня) 1878 года. Российская империя, Санкт-Петербург, Морской порт

Гвардии штабс-капитан Николай Арсеньевич Бесоев

Солнечным и ясным июльским днем три корабля готовились к выходу в дальний поход. Оркестр играет марш «Прощанье славянки». Волонтеры, по-праздничному возбужденные, толпятся на причале возле быстроходного «Смольного», получая свою минуту славы от петербургских дам, при полном параде прогуливающих по набережной.

Портовые паровые краны еще ночью закончили погрузку на «Колхиду» ящиков с новейшими винтовками, пушками и боеприпасами, и она уже готовилась отдать швартовы, чтобы выйти на фарватер.

С другой стороны, у выхода из Морского канала, эти два корабля уже ожидал стоящий на якоре сторожевой корабль «Ярослав Мудрый». Пунктом назначения пока значилась военноморская база Гуантанамо. Но кто его знает, как изменится международная обстановка за те двенадцать суток, пока караван со скоростью восемнадцать узлов (невиданной для 1878 года) будет следовать из Петербурга до Кубы.

Быть может, разгружаться «Колхиде» и «Смольному» придется уже в Чарльстоне, Саванне или Майами. После убийства американского президента Хейса ситуация резко изменилась. Узнав, что покушавшийся был убит при попытке к бегству, я сразу сказал императору Александру III:

– Александр Александрович, решать, конечно, вам, но прошу вас иметь в виду, что это явная инсценировка (я чуть не сказал «подстава», но вовремя сообразил, что таких слов император не знает). Исполнитель, застреленный сразу после покушения, – это классика жанра.

– Неужто у вас такие убийства не были редкостью?

– Увы, ваше императорское величество. Более того, это только начало. На следующем этапе заказных убийств высших должностных лиц королей, президентов и императоров начнут взрывать, расстреливать из специальных винтовок с оптическими прицелами и даже из пушек.

– Из пушек? – удивился император. – Это как?

– Неудавшееся покушение на вашего сына Николая, примерно тридцать лет тому вперед. На Крещение во время Водосвятия одно из орудий Петропавловской крепости вместо холостого заряда оказалось заряженным картечью и нацеленным на Иордань, где шла служба. В результате этого выстрела никто не пострадал за исключением городского по фамилии... Романов. Курьез, но он все равно наводит на определенные размышления. Тем более что за тем покушением стояли агенты американских банкиров, подобным способом защищавших свои инвестиции в различные антироссийские проекты.

Император поразмыслил и согласился, что паровозы лучше давить, пока они еще чайники, и благословил моих орлов на священную войну с американской плутократией.

Таким образом, вместе с волонтерами на «Смольном» на американскую войну уходит и моя отдельная Гатчинская рота специального назначения. В принципе, всему, чему было можно научить на полигоне, я своих бойцов уже научил, новое вооружение, то есть магазинные винтовки Мосина под патрон с бездымным порохом рота получила. А дальше бой должен показать, кто прав, а кто и лев.

Сам Александр Александрович провожать нас не пришел, ибо официально такое мероприятие выглядело бы слишком заметным и политически ангажированным. А неофициальных путей просто не было. Такого громилу, как российский император, замаскировать для того, чтобы он мог инкогнито ходить по своей столице, не представлялось возможным. Поэтому попрощался он и со мной, и с моей ротой еще вчера вечером в Гатчине.

Единственно, кажется, о чем сожалел император Александр III, так это о том, что у американцев, у северных и у южных, без разницы, невозможно будет установить монархический государственный строй, ибо американцы и монархия несовместимы.

Кстати, на войну меня сегодня провожали только великая княгиня Мария Александровна и сопровождавшая ее моя супруга Анна, в девичестве Энн. Ее высочество решила, что не может не проводить своего спасителя из британской темницы (хотя замок Холируд в Шотландии был мало похож на казематы Петропавловки или камеры Бастилии) до трапа идущего на войну парохода. Вот замаскировать инкогнито присутствующую великую княгиню среди сбегавшегося на мероприятие петербургского дамского общества было проще простого. У каждого из волонтеров были матери, сестры, жены и невесты, которые, соответственно, пришли провожать своих близких.

Мое прощание с Анной, которая вот уже шестой месяц носила нашего первого ребенка, было недолгим. Моя жена происходила из семьи рыбаков, которые каждое утро выходили из дома, не зная, вернутся ли вечером обратно. Объятия, несколько слезинок и обещание Марии Александровны, что, если что, она не оставит мою семью своими милостями.

С одной стороны, после этого заявления я чувствовал себя значительно спокойнее за своих родных. С другой же – о таком вообще не принято говорить вслух. Подобные обещания считаются нехорошей приметой.

Но как бы то ни было, прощание окончилось, навьюченные высокими рейдовыми рюкзаками бойцы моей роты, вызывая завистливые шепотки среди волонтеров – «гатчинцы!», – давно поднялись на борт «Смольного». Дамочки с берега устали махать шляпками и платочками, а я, разместив своих людей по кубрикам и поручив их заботам взводных командиров, поднялся на верхнюю палубу, чтобы в последние минуты перед отходом корабля постоять в одиночестве, обдуваемый свежим морским ветерком, и привести свои мысли в порядок. Ведь на самый верх российских волонтеров не пускали, но на меня, с моим югоросским происхождением, этот запрет не распространялся.

Вот и остался позади еще один период моей жизни, который можно было бы окрестить петербургским или гатчинским. У меня пока не было никаких предчувствий, суждено ли мне погибнуть во время этого американского вояжа, или вся моя дальнейшая служба будет связана с какой-либо иной частью света. Единственно, что я чувствовал – это то, что в обозримом будущем я не вернусь в этот прекрасный город, и моя жена, если я буду жив, переедет вслед за мной на новое место моей службы.

Ну и ладно, Александр Александрович, он, может, и хороший человек, дай Бог ему здоровья, но постоянное присутствие рядом с царем утомляет. Да и сама моя рота, пока не понюхает порошу настоящих сражений, не сможет внести свой вклад в реформу русской императорской армии.

Пока для этого больше сделали волонтеры со стороны Российской империи, участвовавшие в войне за освобождение Ирландии. Именно на основании этого опыта откидной игольчатый штык на винтовке Мосина, крестным отцом которой я был, заменили отъемным ножевым. Штыковых атак, может, и не будет, а хорошо наточенное холодное оружие и одновременно инструмент солдату не повредит никогда. Моя рота получила именно такие винтовки, пристрелянные без штыка, который во время стрельбы находится в ножнах на поясе. До него если дело и дойдет, то лишь тогда, когда прозвучит команда: «Примкнуть штыки!»

С другой стороны, можно поразмыслить и над, так сказать, высшим смыслом предстоящей войны. Мы же все-таки не американские наемники, которые, работая на одного нанимателя, свергают какого-нибудь диктатора страны Лимпопо Бuzимбу, а завтра, заключив другой контракт, возвращают его на прежнее место и оказывают ему всяческую поддержку. Нет, нам и нашим солдатам необходимо понимать смысл происходящих событий и ощущать правоту своего дела. Если наш боец или офицер не видит, что он сражается за справедливость, то начинает сражаться без огонька, а это уже путь к поражению.

Если глянуть на нынешнюю Америку непредвзятым взглядом, то с чувством собственной правоты там все в порядке. Чистейшей воды эмбрион Пиндосии наших времен, в некоторых моментах даже куда более отвратительный. Я согласен с адмиралом Ларионовым, что расчленение САСШ на несколько нормальных государств, постоянно враждующих между собой, пойдет этому миру только на пользу. Некому будет создавать искусственный управляемый хаос, и в XX веке люди во всем мире, и в первую очередь в России, будут жить спокойно.

15 (3) июля 1878 года. Королевство Ирландия. Дублинский замок – место проведения Чрезвычайного международного трибунала по Ирландии

Каницлер Югoрoссии Тамбoвцев Александр Васильевич

Сказать честно, начало судебного процесса по Ирландии следовало бы отложить на полгодика-год. За столь короткое время нельзя собрать и задокументировать все факты зверств и нарушения законов.

С другой стороны, затягивать с началом процесса тоже не следовало – помимо чисто юридической целесообразности существует еще и политическая. Железо следует ковать, пока оно горячо. Ведь многие обвиняемые, которые должны были усестись на скамью подсудимых в Дублинском замке, воспользовались царившей в стране неразберихой и успели дать стрекача. По нашим данным, некоторые из них сейчас находятся в Индии, другие – в Канаде, а отдельные особо шустрые особи оказались аж в Австралии. Их преступные деяния рассмотрят заочно, а потом, после вынесения приговора, беглецов отловят и экстрадируют в Дублин для исполнения наказания. В общем, примерно все то же самое, что было в нашей истории после 1945-го...

Еще до начала работы Чрезвычайного международного трибунала пришлось заняться решением некоторых чисто правовых вопросов. А именно: по каким законам их судить, какие

предусмотреть наказания, кто именно будет судьями и где будут отбывать наказание осужденные.

Отдельно обсуждались и организационные вопросы: кто обеспечит охрану подсудимых, как и за чей счет их содержать, где именно и какие у них будут права.

Можно было бы проделать все быстро и жестко – в стиле ежовских «троек». Только зачем тогда было весь этот огород городить? Не проще ли организовать в тюрьме, где содержались арестанты, небольшую локальную эпидемию холеры или тифа? Все подсудимые естественным путем отправились бы в ад, после чего мы наложили бы взыскание на начальника тюрьмы, которое сняли через год по королевской амнистии – скажем, по случаю рождения наследника престола. Ведь, как я понял, Виктор и Александра в своих королевских покоях не только друг другу стихи читают и песни поют, но и занимаются тем, чем положено заниматься молодежи-нам.

Все эти вопросы приходилось решать совместно с ирландскими и британскими юристами. Понятно, что интересы и их были кардинально противоположными, и каждый вопрос обсуждался подолгу и со всем тщанием. Мы прекрасно понимали, что готовим некий односторонний документ, который, скорее всего, больше никогда и нигде не понадобится. Но процесс надо провести так, чтобы все поняли – безнаказанно зверствовать и издеваться над целым народом небезопасно. А те, кого осудит Чрезвычайный трибунал, станут своего рода наглядной агитацией, своим примером показывающими, что никто и ничто не будет забыто.

С составом судей мы разобрались быстро. Единогласно было принято решение: все они будут из тех стран, которые напрямую не участвовали в ирландских событиях. Но в то же время они не должны были принадлежать к числу англофилов. Остановились на приглашении судей из Дании, Швейцарии и Люксембурга. В конце концов, пусть кто-нибудь из них и будет сочувствовать британцам, но очевидные факты убийств и насилия над мирным населением они вряд ли станут отрицать.

К тому же я, как представитель Югославии, сразу же заявил – все, чья вина не будет доказана, освобождаются от ответственности. И наоборот – виновных накажут, и ни титул, ни положение, ни высокопоставленные покровители не спасут их от заслуженной кары.

Содержать арестантов решили в Дублинском замке – помещений там для этого вполне достаточно. К тому же в нашей истории этот замок какое-то время использовался в качестве тюрьмы. Охранять же тех, кому предстояло стать обвиняемыми, станут караульные из числа военнослужащих Югославии, в основном греков и болгар. Ирландцев к этому делу подпускать нельзя – смертность среди арестантов резко возрастет, и многие из них не доживут до приговора.

Подсудимых обеспечили адвокатами. Но тем пришлось несладко – Чрезвычайный трибунал не был похож на обычный королевский суд, и им очень быстро стало ясно, что наработанные уже приемы волокиты и затягивания процесса не сработают – правила игры устанавливают не они, и работать придется по тем правилам, которые им абсолютно непривычны.

Как и было изначально задумано, всех подсудимых, как имевшихся в наличии, так и находившихся в бегах, рассортировали по категориям. Низшей была категория обычных преступников – солдат и сержантов, которые непосредственно убивали и насиловали мирных жителей. Вообще-то ради них и не стоило собирать Чрезвычайный трибунал – достаточно было обычных народных судов, где гласно и открыто обвиняемых приговорили либо к каторге, либо к виселице. Но в данном случае и их надо судить на процессе в рамках трибунала, так как они должны были наглядно показать, к чему приводит слепое исполнение приказов политиков.

Во вторую категорию попало начальство среднего ранга. Ведь указания и директивы, спущенные из Лондона, можно было выполнять по-разному. Можно послушно кивнуть и спустить все на тормозах, сославшись потом на какую-нибудь объективную причину. А можно было проявить рвение, надеясь выслужиться, и наворотить такого, что потом то самое начальство,

которое отдало ему приказ, за голову схватится. Вот здесь следует хорошенько разобраться, насколько виноват подсудимый и не потребуется ли проявить к нему снисхождение.

А в третью, скажем так, VIP-категорию попали высокопоставленные политики и чиновники, которые превратили несчастную Ирландию в территорию, где не действуют законы, а местные жители стали полностью беззащитными перед произволом томми, которому понравился кошелек ирландца или приглянулась его жена.

Вот этих-то британские адвокаты будут защищать наиболее активно. На первую и вторую категорию обвиняемых им, честно говоря, наплевать. «Мало ли в Англии Томми Аткинсонов?» С ними все ясно. Британский бомонд согласен пожертвовать дюжиной-другой солдат, унтеров и офицеров.

А вот своих сэров и пэров они так просто не сдадут. Надо сделать все, чтобы дожать и усадить виновников резни и погромов в Ирландии на скамью подсудимых в Дублинском замке. Это вопрос принципа. Пусть их даже не приговорят к виселице или каторге, а отмерят им лет по десять тюрьмы. Это будет пример для других их «братьев по классу». Те, кто не сподобился получить реальный срок, задумаются и сделают соответствующие выводы. Собственно говоря, в этом и заключается главная цель, которой мы добивались, настояв на необходимости Чрезвычайного международного трибунала по Ирландии.

К началу процесса в Дублин приехало немало корреспондентов из европейских стран. И не только европейских. Были представители СМИ из Южной и Северной Америки, Персии и Китая. Даже мой старый знакомый, эмир Ангоры Абдул-Гамид, прислал журналиста, который передал мне привет от бывшего султана и попросил помочь ему с аккредитацией и обустройством. Фуад – так звали турка – оказался парнем смышленным, и я постарался сделать все, чтобы он как можно подробней ознакомился с Дублином, а также с обвиняемыми, свидетелями и потерпевшими. Я даже организовал ему встречу с королевской четой, что вызвало у Фуада неподдельный восторг.

И вот сегодня он сидит в ложе для прессы и что-то строчит в свой рабочий блокнот. Вот-вот должно начаться первое заседание. Посмотрим, сохранится ли Дублинский процесс в памяти народов и станет ли он таким же знаковым, как Нюрнбергский процесс в нашей истории.

18 (6) июля 1878 года. Борт парохода «Southern Belle», Мобил, Алабама

Лорета Ханета Веласкес, а ныне Мария Пилар де Куэльяр и Сото

За иллюминатором каюты мирно плескались волны, над водой лениво реяли пеликаны, а чуть подальше то появлялись, то исчезали плавники дельфинов. Чуть левее виднелся порт Мобила, некогда французского, а ныне алабамского города на Мексиканском заливе – города, где многие еще говорили по-французски, готовили жамбалаю и бенъеты и с огромным размахом праздновали карнавал, мало чем уступающий новоорлеанскому. А еще это родина адмирала и моего друга Рафаэля Семмса, который и сам является потомком французских поселенцев в этих краях.

Вот только мне надлежало быть не здесь, а в Гуантанамо, ведь я теперь не просто сеньора Веласкес, а лейтенант Веласкес, командир отдельного женского снайперского взвода в составе Первого пехотного полка армии Конфедерации. И мои девочки готовятся к войне за освобождение Конфедерации наравне со всеми. Шутка ли, они прошли курс молодого бойца на острове Корву. Нас даже отправили в Ирландию, но мы так и не успели поучаствовать в боевых действиях. Но после того как в недавнем стрелковом состязании мои подопечные заняли второе командное место по всей Армии Конфедерации, мне твердо пообещали, что моим девочкам дадут возможность пострелять по янки.

Ведь у меня к ним теперь и новый счет имеется. Незадолго до того, как мы отправились на Корву, мы с моим женихом, Родриго де Сеспедес, отпраздновали помолвку. А двадцать третьего января мне сообщили, что Родриго скоропостижно скончался и что причина тому – жестокие побои в тюрьме в САСШ, где он сидел по навету сенатора Паттерсона. Дорога в Гуантанамо заняла бы слишком много времени, так что хоронили его без меня. И теперь я не могла найти себе места. И единственное, что сдерживало меня от желания поскорее умереть, был мой Билли. Впрочем, даже если я погибну, о нем есть кому позаботиться.

Две недели назад мне передали письмо из Нового Орлеана, в котором было написано, что Адель Шамплен весьма плоха и хочет меня увидеть. С Адель мы дружили, когда учились в пансионе для девочек в столице Луизианы. Но с тех пор мы виделись лишь пару раз, и то случайно. Да и написала письмо не сама Адель, а ее сын.

Когда я показала письмо Игорю Кукушкину, коменданту Гуантанамо, тот задумался.

– Лорета, мне кажется, это ловушка. Ведь ты уже не просто знаменитость, но и офицер армии Конфедерации, и для наших заклятых друзей в Вашингтоне – весьма ценная персона.

– Но не будут же они пытаться женщину...

– Вспомни, что происходило, когда янки входили в южные города и поселки. Полагаю, тебе грозит примерно то же. Я бы на твоём месте не ехал. Тем более, что ты – офицер. И твоя задача – дальше тренировать своих девочек.

– Эсмеральда Рамирес, командир первого взвода, будет их гонять почище моего, пока я не вернусь.

– Может, и так... Но я бы всё равно хорошенько подумал на твоём месте.

– Но Адель так просит, чтобы я приехала...

– Ладно, – вздохнул Игорь. – Заодно и развеешься, а то в последнее время напоминаешь гаитянских зомби. В любом случае тебе надлежит вернуться не позднее первого августа. Успеешь?

– Успею, – самонадеянно ответила я. – Отправлюсь в Мобил, а оттуда за два дня доберусь до Нового Орлеана.

– Отправляйся под чужим именем и обязательно первым классом. Тогда таможенный и иммиграционный контроль будет на борту корабля, в твоей каюте, и вероятность, что тебя узнают, будет меньше. Да, и возьми с собой Инес, ведь все знают, что богатые кубинки путешествуют со служанками.

– А кто тогда позаботится о Билли?

– Мы с Надей заберем его к себе. Вот только... Обязательно вернись. Мальчику нужна мама. Мы, конечно, воспитаем его как собственного ребенка, но всё равно ему без тебя будет тяжело.

Я изменила причёску, добавила кое-какие штрихи с помощью косметики, и в зеркале на меня смотрела дама, не похожая на меня. Теперь я была Мария Пилар де Куэльяр и Сото – именно так звали мою троюродную сестру, вышедшую за чиновника из метрополии и уехавшую с ним в Испанию. А моя служанка Инес превратилась в Ампаро Гонсалес Гомес – служанку вышеуказанной Марии.

Вышли мы из Сантьяго уже седьмого июля, но в Мексиканском заливе попали в земной вариант преисподней – ураган. Поверьте мне, самый страшный бой – ничто по сравнению со стихией. Нашу «Южную красавицу» бросало с волны на волну, моя бедная Инес – pardon, Ампаро – вставала с кровати только затем, чтобы в очередной раз склониться над ведром, и даже мне стало дурно. На следующий день мы оказались намного восточнее, чем должны были быть, да и винт был, по словам капитана, поврежден. Но мы всё же как-то доковыляли до Мобила.

От моих раздумий меня отвлек вежливый стук в дверь. На пороге каюты появился человек с темными волосами, карими глазами и орлиным носом. Я приняла его за местного потомка

французов, но достаточно ему было открыть рот, как стало ясно – предо мной янки. Хотя даже в разгар Реконструкции в этих краях на подобных должностях сидели, как правило, местные.

– Здравствуйте. Я представитель таможни Джон Мэрдок. А вы, – он взглянул в бумажку, которую он держал в руке, – миссис де... Куэллар?

– Именно так, только фамилия моя произносится де Куэльяр, – сказала я, подпустив в мою речь толику испанского акцента.

– Простите, я из Бостона и не знаю испанского, – ответил тот с легким поклоном. – Итак, миссис де Куэллар, что принесло вас в наши края?

– Я здесь неоднократно бывала девочкой и хотела еще раз посетить Мобил и Новый Орлеан, с которыми у меня связаны – как это будет по-английски – незабываемые воспоминания.

– Незабываемые, – поправил он меня с улыбкой. – Но летом у нас очень жарко...

– Знаю, но у нас в Сантьяго еще жарче. Видите ли, мистер Мэрдок, мы с мужем долго жили в другом Сантьяго – Сантьяго де Компостела, на северо-западе материковой Испании, у него на родине. Недавно я, увы, овдовела...

– Мои соболезнования.

– Благодарю вас. Это было полгода назад, и я приняла решение вернуться в родной город – и объездить места, с которыми у меня связаны добрые воспоминания... – тут я всхлипнула. Действительно, моя кузина недавно овдовела, но на Кубу пока еще не вернулась, хотя собиралась.

– Понятно. Вот только в данный момент всем запрещено покидать Мобил. Это для вашей же безопасности – на дорогах сейчас очень беспокойно.

– Очень жаль. Если бы я знала, то отложила бы поездку. Но я уже здесь...

– Пароходы в Сантьяго ходят раз в неделю, так что посмотрите город и можете возвращаться. Но позвольте мне соблюсти формальности. Миссис Куэллар, что вы везете с собой?

– Одежду, обувь, предметы дамского туалета. Один маленький дамский пистолетик. Никогда же не знаешь, когда даме придется защищать свою честь...

– Пистолет мне придется у вас забрать – после подлого убийства президента Хейса южанами у нас был введен запрет на ношение оружия гражданскими лицами в южных штатах. Получите его по предъявлении квитанции, когда будете покидать Мобил.

Он попросил меня открыть сундуки и сумки, а также кое-что приподнять, но сам не полез – еще бы, кто будет ворошить одежду пассажирки первого класса... Знал бы он, что у меня там припрятано кое-что посерьезнее, чем эта дамская игрушка, взятая мной для отвода глаз.

– И последний вопрос, миссис Куэллар. Не знакома ли вам дама по имени... – и он посмотрел в другую бумажку – Лорета Джанета Велазкез? Также известная под фамилией Бьюфорд.

– Если вы про мою троюродную сестру, то да, знакома. Но про фамилию Биуфор – так вы, кажется, сказали? – ничего не знаю.

– А где она?

– Понятия не имею. Она – черная овца нашей семьи, бежала с каким-то американским солдатом и вроде вышла за него замуж. Больше мне ничего не известно.

– А как она выглядит? А то у меня лишь эта старая фотография, – и он протянул мне напечатанный снимок.

Я посмотрела на свой портрет, судя по всему, вырезанный из моей же недавно изданной книги. Ну что ж, хотя бы им пришлось ее купить, усмехнулась я про себя. Фото было сделано во времена Войны Северной агрессии, и узнать меня на гравюре, сделанной по этой фотографии, было сложно.

– Знаете, мистер Мэрдок, я ее помню еще девочкой. А изображение столь плохое, что это может быть кто угодно – не только я или моя служанка, но даже вы.

Мэрдок рассмеялся, поставил штамп на разрешение на выход на берег, поклонился мне и ушел, бросив на прощание:

– Желаю вам приятно провести время в Мобиле!

19 (7) июля 1878 года. Вашингтон

Уильям Максвелл Эвертс, государственный секретарь Североамериканских Соединенных Штатов

– Вице-президент готов уделить вам лишь пятнадцать минут, господин госсекретарь, – сообщил мне надутый как индюк дворецкий Хоар.

– Но... – пробормотал я, попытавшись возразить непонятно кому – то ли этому слуге, то ли скороспелому вице-президенту.

– Ждите, – дворецкий небрежным жестом указал мне на кресло.

Да, мой кузен Джордж Хоар никогда еще так себя не вел. Хотя, если разобраться, он всего лишь вице-президент, и практически единственная его прерогатива – председательствовать в Сенате. Но, увы, он подмял под себя президента Уилера, показавшего себя слабаком. А самое главное – именно он сейчас руководит всей политикой Североамериканских Соединенных Штатов. А ведь этим должен заниматься я!

Минут через двадцать тот же дворецкий распахнул передо мной дверь и важно произнес:

– Помните, пятнадцать минут, господин госсекретарь. И ни секундой больше.

– А, старина Эвертс, – фальшиво улыбнулся мне Хоар. – Проходите, садитесь. Любопытно, что же привело вас ко мне? Мне доложили, что у вас имеется настолько экстренное известие, что мне пришлось оторваться от важных государственных дел.

«Раньше он называл меня “мистер секретарь”, – раздраженно подумал я, – А теперь я для него уже просто Эвертс. Но посмотрим, мистер зазнайка, какой будет у тебя вид через пару минут – после того как я сообщу тебе последние новости. Уверен, что твоя спесь моментально слетит с тебя».

– Вчера, – я постарался, чтобы мой голос был абсолютно спокоен и ровен, – меня посетил посол Российской империи и передал мне послание от правительства Югороссии для президента Уилера. А от президента меня перенаправили к вам – мол, именно вы взяли на себя ответственность за все международные отношения, и с посланиями иностранных дипломатов надлежит разбираться вам.

– И только из-за этого вы меня оторвали от важных государственных дел? – вспыхнул Хоар. – Из-за письма правительства какой-то заштатной державы, о которой год назад ничего не было известно? Вы что, издеваетесь надо мной? Вам надлежало передать это письмо в мой секретариат!

– Мистер вице-президент, – я укоризненно покачал головой. – Характер переданного мне послания таков, что обсуждать все изложенное в нем следует вам или даже самому президенту. Югороссы сообщают, что договор между правительством САСШ и правительством Югороссии в ходе ратификации его Сенатом был изменен не только без согласования с ними, но и без всякого уведомления. Хотя я еще тогда предупреждал вас, что любые изменения в тексте этого договора возможны лишь при согласовании их с Югороссией.

Хоар радостно рассмеялся и стал потирать руки, словно торговец, только что всучивший простаку-покупателю лежалый товар.

– Эвертс, неужели вы всерьез думаете, что наш Сенат должен проводить консультации с какой-то третьеразрядной страной по любому пустяковому поводу? Тем более что их требования было для нас явно неприемлемы. Мне все равно, получили они якобы причитающиеся им деньги или нет. Вы еще скажите мне, что в свое время надо было и краснокожим отдать все, что им причиталось по заключенным с ними договорам... Вам самому-то не смешно?

– Но, мистер вице-президент... – я попытался сказать ему, о том, что Югороссия – это не какое-то там индейское племя, что адмирал Ларионов не король Филипп или Понтиак, а развалины Британской империи говорят об этом более чем наглядно.

Но меня грубо прервали.

– Эвертс! – рявкнул Хоар. – Вы мне успели надоесть. Недели полторы назад вы, заламывая руки, словно дешевый актер в рыночном балагане, пели мне, что, дескать, югороссы пронюхали про ваш обман. И что произошло потом? Вы испугались фантома. Вы вывели зачем-то войска из Северного Орегона, хотя югоросская армия находится на расстоянии нескольких тысяч миль от нашей Америки. И она вряд ли способна причинить нам какие-либо неприятности. Все, Эвертс, можете идти. У меня слишком мало времени для того, чтобы слушать ваш бред.

– Мистер вице-президент, – я снова попытался донести до этого заносчивого наполеончика всю серьезность происходящего. – Правительство Югороссии заявляет нам, что, поскольку мы не соблаговолили откликнуться на его предложение начать консультации о возникших разногласиях по заключенному договору, то оно отзывает предложение о таковых и не считает себя связанным какими-либо положениями договора, который с этого момента признается ничтожным.

– Эвертс, вы уйдете, наконец, – прорычал Хоар, – если бы вы только знали, как вы мне надоели!

– И далее, – продолжал я, старательно делая вид, что не слышу его слова, – Югоросский МИД требует от нас объяснить, по какой причине нами была объявлена Вторая Реконструкция. Они настаивают на соблюдении законных прав граждан, проживающих в южных штатах.

Югороссия предупреждает, что она готова – так написано в их послании – «предпринять в отношении Североамериканских Соединенных Штатов соответствующие политические и военные шаги по защите жизни и здоровья тех, кто несправедливо подвергается насилию и репрессиям со стороны правительства САСШ». Фактически подобное заявление вкупе с расторжением заключенного президентом Грантом договора можно считать объявлением войны. Пока она не объявлена де-юре, у нас еще остается возможность избежать начала боевых действий. В противном случае под угрозу будет поставлено само существование САСШ.

– Не надо поддаваться панике, Эвертс. Пусть они объявляют нам войну, пустые угрозы нас совершенно не интересуют. – Похоже, что до Хоара до сих пор не дошло, что именно произошло. Он немного подумал, а потом, подозрительно посмотрев на меня, спросил: – А откуда им известно про Вторую Реконструкцию? И кто именно передал вам это письмо?

– Его мне вручил посол Российской империи, – ответил я. – По его словам, сделал он это по поручению правительства Югороссии, с которым Россия состоит в тесном политическом и военном союзе. Так что в случае начала боевых действий вполне вероятно, что русские тоже не останутся нейтральными и выступят на стороне Югороссии.

– Вот как? – ухмылка слетела с лица Хоара. – А вы не предполагаете, что это письмо написано в русском посольстве? Наверное, нам следует получить объяснение от самого посла. Эвертс, пригласите его ко мне.

– Пригласить-то я его приглашу, – я пожал плечами, – но захочет ли он приехать по первому вашему требованию? Я полагаю, что у него получены на этот счет инструкции из МИДа.

– Если он откажется от визита ко мне, то я прикажу доставить его силой! – рявкнул Хоар. – А вы, Эвертс, считайте себя свободным от вашей должности. Вы плохо отстаиваете интересы Североамериканских Соединенных штатов, и вам следует подать прошение об отставке. Выйдите вон из кабинета. Там в приемной есть стол, чернила, перо и бумага. Надеюсь, что написание прошения об отставке не займет у вас много времени!

Хоар позвонил в колокольчик и, когда вошел дворецкий, объявил ему:

– Позаботьтесь о том, чтобы господину Эвертсу никто не мешал. Ему надо срочно составить один важный документ. А когда он передаст его мне, пригласите следующего визитера.

Вот так я оказался безработным и в то же время совершенно свободным человеком. Но времени у меня мало. Надо было успеть до начала боевых действий купить билеты на поезд, снять деньги со счетов в банке, взять самые ценные вещи и вместе с женой и детьми отправиться в Канаду. Главное – оказаться подальше от Вашингтона. Я хорошо знал по докладам наших дипломатов о том, что представляют собой югороссы. Если они, да еще в союзе с русскими, начнут с нами войну, то катастрофа неминуема.

Этот идиот Хоар называет Югороссию заштатной державой. Боже праведный – и это ничтожество собралось возглавлять нашу политику! Недаром древние говорили: «Если Господь захочет кого-то наказать, то он лишит его разума». Хотя как можно лишить человека того, чего у него не было с рождения! И надо же додуматься до такого – доставить посла иностранного государства к себе силой! Это означает, что САСШ опускается до уровня средневековой Турции, где объявлением войны считалось помещение посла враждебного султану государства в Семибашенный замок!

Когда Югороссия начнет боевые действия совместно с Российской империей – а я в этом ни минуты не сомневаюсь, – то от Вашингтона вскоре не останется и камня на камне, а от мистера Хоара, со всем его провинциальным апломбом, – мокрого места.

25 (13) июля 1878 года. Константинополь

Канцлер Югороссии Тамбовцев Александр Васильевич

Послы иностранных государств, аккредитованные в Константинополе, прибыли во дворец Долмабахче заранее, не дожидаясь обозначенного в приглашении времени. Обстановка в мире была напряженная. В любой момент где-нибудь в Европе (Азии, Америке – нужное подчеркнуть) могли начаться боевые действия, результатом которых станет исчезновение одних государств и появление новых.

Сейчас война могла начаться в Северной Америке. После убийства президента Хейса и объявления Второй Реконструкции новое правительство САСШ пошло, что называется, вразнос. Они не только отказались вернуть в заключенный с ним договор убранные из него в одностороннем порядке статьи, но и попытались силой заставить посла России в Вашингтоне явиться к государственному секретарю Хоару. В истории дипломатии это было что-то совершенно неслыханное! Банда полицейских вломилась на территорию посольства и нагло потребовала, чтобы Николай Павлович Шишкин – чрезвычайный посланник и полномочный министр в Северо-Американских Штатах – бросил все свои дела и незамедлительно явился к вице-президенту Хоару в Государственный департамент, чтобы предстать пред светлые очи его главы.

Николай Павлович сохранил самообладание и заявил, что никуда он не пойдет и что у него нет никакого желания видеть мистера Хоара, тем более что вице-президент не уполномочен вызывать к себе послов, и что даже Государственный департамент обязан делать это нотой с указанием даты и времени. Он заметил также, что даже служа консулом в турецком Адрианопле не встречался с таким грубым обращением с иностранными дипломатами. Охрана посольства пригрозила, что будет защищать как самого посла, так и территорию дипломатической миссии, не останавливаясь перед применением силы. В конечном итоге все закончилось разрывом дипломатических отношений между Российской империей и САСШ.

Новый президент Америки Уильям Уилер, вовремя смекнув, что ссора с Россией (и союзной с ней Югороссией) может дорого стоить Штатам, попытался извиниться перед послом Шишкиным за идиотскую выходку госсекретаря Хоара. Но, что называется, поезд ушел. Все в

мире с нетерпением ждали, что скажет по этому поводу Югороссия. Сегодня я объявлю об этом послам ведущих европейских государств, которые доведут мои слова до своих правительств.

Я вошел в гостиную, которая служила у нас чем-то вроде конференц-зала для проведения брифингов. Послы и допущенные сюда в порядке аккредитации представители мировых СМИ уже заняли свои места и с нетерпением ждали начала мероприятия. Они нервно потирали руки и готовились стенографировать все, что будет сказано в этом зале. Они мечтали о сенсации – и они ее получают!

– Господа, – подобно гоголевскому Городничему я прокашлялся, многозначительно посмотрел на присутствующих, после чего продолжил: – Я пригласил вас сюда, чтобы сообщить пренеприятнейшее известие...

Российские журналисты не смогли скрыть улыбку, а иностранные, не знакомые с бессмертным творением Николая Васильевича Гоголя, лишь недоуменно переглянулись.

– А новость моя действительно пренеприятнейшая. Дело в том, что после всего, что произошло недавно в САСШ, отношения Югороссии с этой страной прерваны. Невозможно иметь дело с государством, которое ложь и лицемерие сделало основой своей внутренней и внешней политики.

Речь идет о договоре, который был заключен здесь, в Константинополе, между правительством Югороссии и полномочным представителем САСШ, бывшим президентом этой страны генералом Грантом. В договоре были статьи, которые не совсем устраивали Вашингтон. Поэтому при ратификации этого договора власти САСШ не нашли ничего лучше, как просто вычеркнуть не устраивающие их статьи из текста договора. И при этом они даже не поставили нас в известность о сём прискорбном факте.

Впрочем, что можно ожидать от страны, государственность которой насчитывает чуть больше века? К тому же у САСШ сложилась дурная привычка – по своему усмотрению править тексты уже заключенных с ними договоров. Достаточно вспомнить договор Гвадалупе-Идальго, подписанный САСШ и Мексикой после кровопролитной войны между этими странами. При ратификации договора в Сенате САСШ, 10-я статья этого договора, гарантировавшая, что Соединенные Штаты признают права мексиканских землевладельцев и дадут им равные права с гражданами САСШ, была вычеркнута. Ну не нравилась она новым владельцам захваченной у Мексики территории!

Сидящие в зале и внимательно слушавшие мой монолог дипломаты возмущенно загудели и стали пожимать плечами. Даже для них, людей достаточно хитрых и циничных, такие новшества в мировой дипломатии оказались в новинку.

– А как назвать отвратительный поступок вице-президента САСШ мистера Хоара? Это ж надо до такого додуматься – отправить полицейских в посольство Российской империи, чтобы те под конвоем, словно жулика, пойманного во время совершения карманной кражи, доставили в Госдепартамент САСШ полномочного министра Российской империи! Хорошо, что у полицейских ума оказалось больше, чем у американских дипломатов, и они не довели дело до вооруженного столкновения.

В зале снова раздались реплики, из которых можно было понять, что иностранные дипломаты возмущены поступком своих американских коллег.

– После всего произошедшего, – продолжил я, – правительство Югороссии решило разорвать с правительством САСШ дипломатические отношения и считать все заключенные с ним договоры ничтожными.

– Господин канцлер, это война? – спросил меня Филипп Роуз, корреспондент английской газеты «Таймс».

– Не советую вам все употреблять это слово, мистер Роуз, – ответил я. – Но мое правительство не исключает все возможные варианты дальнейшего развития событий.

Вполне вероятно, что новый договор мое правительство подпишет с новым правительством САСШ. Или, возможно, с КША. Вам всем, наверное, известно о том, что в связи с объявлением президентом Второй Реконструкции снова обострились отношения между Южными и Северными штатами. Не удивлюсь, если это противостояние перерастет в новую гражданскую войну.

В данном противостоянии симпатии Югороссии будут не на стороне нынешнего правительства САСШ. Мы установили контакт с действующим руководителем Конфедеративных Штатов Америки мистером Джефферсоном Дэвисом и достигли с ним полного взаимопонимания.

Дипломаты заволновались и стали переговариваться между собой. А журналисты лихо радочно чиркали карандашами в своих блокнотах, подпрыгивая от нетерпения. Многие из них готовы были тут же сорваться с места и бегом помчаться на телеграф, чтобы передать в свои газеты сенсацию – о контактах руководства Югороссии с руководством КША в изгнании, о грядущей гражданской войне и о разрыве всех отношений между Югороссией и САСШ.

Я внимательно посмотрел на присутствующих в зале и, помня фразу незабвенного Штирлица о том, что запоминаются последние слова, произнес:

– Господа, я бы особо попросил отметить в отчетах вашим правительствам следующий момент: Югороссия желает, чтобы во взаимоотношениях ее с другими государствами отсутствовал обман и коварство. Наши взгляды на те или иные аспекты развития мировой политики могут не совпадать со взглядами наших коллег. Мы можем и будем искать компромиссы, которые в конечном итоге устроили бы обе стороны. Но обманывать нас, говорить одно, а делать другое, мы не позволим.

Правительство САСШ вело себя как шулер, рассчитывая обыграть нас с помощью крапленых карт. Но, как известно, пойманных за руку шулеров в Европе бьют канделябром и спускают с лестницы. В самих же САСШ где-нибудь в салуне шулер рискует получить в лоб пулю, выпущенную из кольта.

С шулерами в мировой политике мы церемониться не намерены. Именно это я прошу передать главам государств, которые вы представляете.

Благодарю вас за внимание. Всего вам доброго.

30 (18) июля 1878 года. Утро. Гуантанамо. Штаб югоросской военно-морской базы

Командир сводной Российско-Югоросской конно-механизированной бригады генерал-майор Вячеслав Николаевич Бережной

В маленькой комнатке помимо меня присутствовала лишь верхушка возрождаемой Конфедерации: президент Дэвис, вице-президент Стивенс, госсекретарь (глава МИД) Джуда Бенджамин, главнокомандующий армией генерал Форрест и главком флота адмирал Рафаэль Семмс. Из югороссов помимо меня в совещании принимает участие только подполковник Сергей Рагуленко, получивший повышение в звании и орден Святого Владимира 2-й степени за воссоздание Армии Конфедерации и ее подготовку к сражению, а также Святого Георгия 4-й степени за участие в боях. На этом список приглашенных исчерпывается, выставленные вокруг домика совместные караулы югороссов и южан готовы пристрелить любого, кто попытается проникнуть к месту проведения совещания, не имея на то законных прав.

– Джентльмены, – начал я, – сложившееся положение оказалось намного хуже, чем мы предполагали несколько месяцев назад. Сейчас все идет к тому, что Вторая Реконструкция превратится в некое подобие кровавых ирландских событий...

– Господи Иисусе! – резким неприятным голосом воскликнул вице-президент Александр Стивенс, всплеснув руками. – Неужели политики в Вашингтоне настолько свихнулись, что

оказались способны на зверства в отношении людей, которых они считают своими согражданами?

– Уже не считают, джентльмены, – сардонически ухмыльнулся я, доставая присланную мне из Вашингтона бумагу, – согласно принятому Конгрессом закону о Второй Реконструкции, все граждане штатов, объявивших сецессию, а также граждане штатов, в которых рабство существовало на 1 января 1861 года, теряют право голоса и все гражданские права, если на момент того, что они именуют Мятежом, они оставались на этих территориях.

Это не касается тех граждан этих штатов, которые прибыли с Севера после капитуляции мятежников. Сенаторы и конгрессмены от этих штатов частью арестованы и ждут решения своей участи, а частью брошены в тюрьмы, откуда их, скорее всего, вынесут уже мертвыми. Армия Союза снова вводится во все крупные города Юга. Военными губернаторами военных округов назначаются командиры размещенных там воинских частей, которые получили право наводить порядок так, как они это считают нужным. Сие касается как имущества тех, кто лишен гражданских прав, так и их свободы и даже жизни, причем военные губернаторы и подчиненные им солдаты и офицеры освобождаются от любой ответственности перед судом. Права тех жителей этих территорий, которые прибыли с Севера после Мятежа, остаются неприкосновенными. Между прочим, сейчас я почти дословно цитировал означенный закон, который был принят конгрессменами даже без его полного оглашения под угрозой применения оружия.

– Но это же незаконно! – в один голос воскликнули Джуда Бенджамин и Александр Стивенс, которые по своей основной специальности были неплохими юристами, причем ориентированными именно на изрядно запутанное американское прецедентное законодательство.

– Да, джентльмены, – согласился я, – по сути, весь этот закон противоречит американской Конституции со всеми ее поправками, и его юридическая сила ничтожна. Любой честный суд признает этот факт уже после получасовых слушаний. Но только пока вопрос дойдет до обсуждения в суде... Для начала необходимо разгромить врага на поле боя, заставить его безоговорочно капитулировать, и только потом юристы начнут подсчитывать, какие пункты американской Конституции и сколько раз были нарушены. Только так и никак иначе! По-другому дорвавшихся до власти временщиков, опьяненных, как они думают, безнаказанностью, не остановить.

– Вот же свинячье дерьмо! – воскликнул генерал Форрест, который хотя и считался одним из богатейших людей Юга, но родился отнюдь не во дворце, а в хижине бедного кузнеца Уильяма Форреста, отца двенадцати детей.

– И это еще мягко сказано, мистер Форрест, – согласился я, – но среди этого кошмара есть и парочка светлых моментов. Во-первых, несколько дней назад сначала Югороссия, а потом и Российская империя разорвали с Североамериканскими Штатами все дипломатические и прочие отношения. Официальным поводом для этого стали нанесенные на государственном уровне грубые оскорбления, которые можно объяснить только глубоким провинциализмом и, скажу прямо, идиотизмом нынешних американских властей.

– И что же теперь будет, мистер Бережной, – упавшим голосом спросил президент Дэвис, – вы бросите нас на произвол судьбы или же поможете, как раньше помогли ирландцам? Да, и о каких еще положительных для нас моментах вы упомянули?

– Джентльмены, – ответил я, – правительство Югороссии предвидело подобное развитие событий, хотя мы и не предполагали, что все пойдет так далеко и начнется так рано. И потому я уполномочен заявить о том, что в настоящий момент у Бермудских островов находится флот Югороссии под командованием адмирала Ларионова. Атлантический океан не является непреодолимым барьером, как рассчитывали в Вашингтоне господа вроде мистера Хоара.

Я сделал паузу и, внимательно посмотрев на генерала Форреста, продолжил:

– Так что, мистер Форрест, я бы посоветовал вам прямо сейчас отдать два приказа. Первый – партизанским отрядам, в основном состоящим из «людей в белом», немедленно начать боевые действия не только против мелких воинских формирований янки, расквартированных в тех или иных населенных пунктах Юга, но и против тех представителей власти, которые немедленно не перейдут на сторону восставшего народа...

Я внимательно посмотрел на президента КША Дэвиса, полуприкрывшего глаза и размышлявшего над моими словами.

– Мистер Дэвис, адмирал Ларионов просил вас передать, что настало время издать манифест о всеобщем восстании всех патриотов Юга против угнездившихся в Вашингтоне тиранов и узурпаторов. Мы, в свою очередь, издадим декларацию о том, что если кто-то будет совершать военные преступления против дружественных нам жителей Юга, то мы найдем такого мерзавца, где бы он ни находился, и покараем его.

Кстати, на десантных кораблях находится и моя сводная Российско-Югоросская конно-механизированная бригада особого назначения. Она следует на Бермуды, чтобы в нужный момент ударить там, где это будет наиболее эффективно, как только будет отдан приказ о начале боевых действий. Ведь от Бермуд до целого ряда возможных целей – от Чарльстона до Бостона – не более двух-трех суток пути.

– Генерал, – спросил меня президент Дэвис, – скажите мне, только честно, зачем вы все это делаете? Ведь если бы вы бросили всю эту возню с помощью тем, кому грозит смерть, и вместо этого занялись бы бизнесом, то сейчас, наверное, вы были бы самыми богатыми людьми мира.

– А мы и есть самые богатые люди мира, – улыбнулся я, – у нас говорят, что не надо иметь сто долларов, а лучше иметь сто друзей, каждый из которых готов помочь тебе в трудную минуту. Такие люди в большом количестве у нас есть в бывшей Османской империи, Болгарии, Греции, Персии, на Кубе и в Ирландии. А теперь к ним еще добавятся и жители американского Юга. А вообще, в Святом Писании говорится: «Больша сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя», а вы знаете, что те, кто во всем следуют заветам Спасителя, становятся непобедимыми. Аминь.

31 (19) июля 1878 года. Гуантанамо

Генерал-лейтенант Джеймс Лонгстрит, командир Четвертого полка Второго корпуса Армии Конфедерации

– Мистер президент, войска построены и готовы к принятию присяги, – отрапортовал генерал Джеймс Огастас Вашингтон. Когда я прибыл в Гуантанамо и все от меня отворачивались, именно Вашингтон отдал мне честь (все-таки он еще недавно был полковником) и предложил мне принять на себя командование полком ополченцев, прибывших последними.

– Приступайте, генерал, – устало ответил Джефферсон Дэвис, осмотрев стоящие перед ним полки. Увидел меня, и взгляд его стал несколько неприязненным. Увы, было за что. После нашего поражения в Войне Северной Агрессии я вспомнил нашу старую поговорку: if you can't beat'em, join'em¹¹.

Нет, я не считал тогда это предательством – для меня важнейшей целью была достойная жизнь для миллионов южан. Еще два месяца назад я считал, что эта цель уже близка. Кто же мог подумать, что убийство президента Хейса приведет к новому витку тирании и к потере всего, ради чего я отдал все силы после нашей капитуляции. Дело дошло до того, что четыре года назад я лично повел отряд, состоящий из негров, против мятежников в Батон Руж. Но после этого президент Грант резко прекратил репрессии против южан, а президент Хейс вообще

¹¹ Если вы не можете их победить, присоединитесь к ним (англ.).

отменил Реконструкцию и вывел войска из городов, за что я написал ему благодарственное письмо.

Ответом на него послужила лишь короткая записка с выражениями признательности.

Полтора месяца назад я неожиданно получил письмо от президента. Он написал мне, что предложил мою кандидатуру на должность секретаря армии вместо Джорджа Вашингтона Мак-Крэри. То, что именно Мак-Крэри весьма критично отнесся к Северо-Орегонской авантюре, неоднократно освещалось в газетах. Но что будет предложена именно моя кандидатура, для меня оказалось сюрпризом – ведь и я считал эту идею глупой. Мне было велено явиться в Вашингтон третьего июля. Четвертое июля – наш национальный праздник – президент Хейс предложил мне отметить вместе с его семьей, что было, конечно, несколько грустно – праздник без супруги и детей, а также без алкоголя, меня не прельщал. Но, как говорится, «Париж стоит мессы», ведь пятого июля мне предстояли слушания в Сенате, а к ним нужно было подготовиться.

С супругой и младшими детьми я отправился навестить родню в Чарльстоне. Тридцатого июня супруга вернулась домой в Джорджию, а я купил себе билет в Вашингтон на первое июля – нужно было пораньше отправиться в столицу, встретиться с ключевыми сенаторами, поговорить с другими членами кабинета...

Утром первого июля я прибыл на вокзал и, к своему удивлению, увидел объявление, гласящее, что все поезда на первое и второе июля отменяются. Билетная касса и офисы Южно-Каролинских каналов и железных дорог были закрыты, а перед ними стояли солдаты в форме. Я обошел здание и взглянул на перрон. И тут мои глаза вылезли из орбит. На обеих платформах стояли составы, из которых выгружались солдаты с оружием и военным снаряжением.

– Что здесь происходит? – спросил я у какого-то майора, который командовал выгрузкой.

– А вы кто такой? – в свою очередь спросил у меня он и дал знак. Я заметил, что меня обступили несколько солдат.

– Генерал Джеймс Лонгстрит, кандидат в секретари армии, – ответил я.

– Лонгстрит? Тот самый? Тогда вы арестованы, – сказал майор.

– На каком основании? – возмутился я.

– За военные преступления во время Мятежа, – отрезал майор.

Я протянул ему письмо от президента, но майор лишь усмехнулся.

– Вот ему и пожалуетесь, – отмахнулся он, порвал письмо и швырнул обрывки мне под ноги. – Уведите! – скомандовал он солдатам.

Те схватили меня и повели под конвоем к реке Эшли, там посадили на какой-то корабль и отвезли в печальной памяти форт Самтер – тот самый, где когда-то и началась наша Гражданская война.

Меня и полторы сотни прочих людей, прибывших на том же корабле, отконвоировали в одну из казарм, охранявшуюся вооруженными солдатами, которых здесь, согласно распоряжению президента Хейса, не должно было быть. Более того, на единственный вход в здание казармы, как я успел заметить, когда меня грубо запикивали внутрь, были направлены стволы двух картечниц Гатлинга.

В казармах царил толчея – я с трудом нашел место, чтобы присесть. На корабле я пробовал было задать вопрос сначала одному из солдат, потом кому-то из других задержанных. Но в первом случае вместо ответа я получил прикладом по спине, во втором же мой товарищ по несчастью лишь пожал плечами. Теперь же у меня появилась такая возможность, и я спросил у пожилого человека с военной выправкой и со слегка кривыми ногами кавалериста:

– Вы не знаете, что здесь происходит?

Тот взглянул на меня и хрипло рассмеялся:

– Генерал Лонгстрит собственной персоной! Ну что, помогло вам сотрудничество с янки? Как видите, они решили окончательно добить Юг.

– Но по какому праву? – удивился я.

– По праву сильного, мой генерал, по праву сильного, – снова хрипло рассмеялся кавалерист. – Кстати, позвольте представиться – капитан Джошуа Линч, из отряда Джона Ханта Моргана. В отличие от вас, уже ощутил на себе все гостеприимство наших северных друзей, когда провел у них два года в качестве гостя.

– Простите, капитан, – мне почему-то стало стыдно, – я хотел, чтобы нашему Югу было лучше.

– Знаете, генерал, – печально произнес капитан Линч, – дорога в ад тоже вымощена самыми лучшими намерениями.

– Вы правы. Но что же нам теперь делать?

Капитан Линч скептически хмыкнул.

– Шанса сбежать отсюда практически нет. Разве что можно будет попробовать сделать это сегодня ночью. Но вряд ли у нас что-либо получится. Мы даже не сумеем выйти из здания.

– Если что, то я с вами, – решительно произнес я, – живому или мертвому, мне здесь нечего делать.

К нам постоянно заталкивали все новых и новых арестованных, и вскоре пришлось встать – для сидения места больше не было. Воняло мочой и калом – ведь для того, чтобы оправиться, никого из нас не выпускали, а клозетов в казарме не имелось, да и дойти до них было бы проблематично. Кроме того, отчаянно хотелось есть и пить. Когда уже начало смеркаться, я каким-то образом заснул, стоя на ногах, зажатый между несколькими моими товарищами по несчастью.

Но неожиданно среди ночи снаружи началась какая-то непонятная возня. Были слышны глухие хлопки, словно кто-то откупоривал одну бутылку шампанского за другой. Потом распахнулась дверь, в глаза нам ударил ослепительно-белый свет фонарей, а зычный голос с иностранным акцентом прокричал:

– Эй, дикси, бегом все на выход! В шлюпки! Быстро! Быстро! Быстро! Цигель, цигель, ай лю-лю!

Выбежав вместе с толпой во двор, я увидел лежащие безжизненные тела солдат Союза и темные вооруженные фигуры в каких-то лохматых одеяниях.

Нас повели на берег реки, где погрузили в металлические лодки, которые, ревя как голодные пумы, помчались к темным громадам стоящих на рейде кораблей. Там нас накормили, дали возможность помыться и переодели в новенькую серую форму с разбросанными там и сям темными пятнами – как нам объяснили, для маскировки. А через три дня мы оказались в Гуантанамо.

По дороге мы узнали про убийство Хейса, и про начало Второй Реконструкции, и про то, что на стороне Конфедерации теперь воюет непобедимая армия Югории. Это их рейнджеры освободили нас из форта Самтер, предварительно вырезав его гарнизон. Только то, что произошло со мной и с моими товарищами по несчастью, похоже, началось еще до убийства президента Хейса и последующих событий – в том, что они были подстроены, сомнения быть не могло.

И вот наконец вместе со своими будущими солдатами я приношу повторную присягу Конфедеративным Штатам Америки, после чего и корпусу, и всем полкам вручат боевые знамена. Да, я безмерно виноват перед своими согражданами, но я готов своей кровью искупить вину. Трепещите, янки, мы возвращаемся – для того, чтобы отомстить вам за все!

10 августа (29 июля) 1878 года. Форт Пейган, Земля Руперта

Субалтерн Лоренс Стивен Рандалл, Северо-западная конная полиция

Наш небольшой форт находился на сорок девятой параллели, на границе с беспокойным южным соседом. Впрочем, еще недавно здесь были тишь да гладь да божья благодать. А потом к югу от границы неожиданно появились крупные отряды конницы армии Североамериканских Соединенных Штатов, и мой небольшой отряд, состоявший из двадцати человек, отправили в эти негостеприимные земли, чтобы мы могли соорудить здесь наблюдательный пост. Конечно, ни о каком сопротивлении речи не шло – ну что могут сделать двадцать человек против их 4-го кавалерийского полка под командованием пользующегося дурной славой среди индейцев полковника Рэналда Слайделла Мак-Кензи?

Один из его офицеров, некто лейтенант Мак-Кормик, почтил нас своим присутствием примерно через неделю после нашего прибытия в эти края. Мы его встретили вежливо, а он нагло процедил через губу, что нам предоставят ровно три дня для того, чтобы мы убрались из этих мест. В противном случае он и цента не даст за наши жизни. На мое замечание о том, что мы находимся на нашей стороне сорок девятой параллели, этот нахал лишь саркастически усмехнулся, бросив: «Мы вас предупредили», и отправился обратно к сопровождавшему его отряду кавалеристов.

Ближайший пост Королевской конной полиции находился в форте Калгари, в ста шестидесяти милях к северу от нас. Наше присутствие в этих местах казалось мне абсолютно ненужным, но приказ есть приказ – единственной надеждой была отмена такового. Двух вестовых я послал сразу, но один лишь путь туда займет не менее четырех дней, и еще столько же – обратно. К тому же непонятно, что решит тамошнее начальство.

А пока я лично отправился в соседний поселок индейцев-пейганов. Их вождь, Маленький Бизон, как оказалось, неплохо говорил по-английски. Выслушав меня, он сказал:

– Раньше я бы сказал – иди своей дорогой, бледнолицый. Мы с вами не друзья. Но вы намного меньшие враги, чем те, кто идет с юга. Недавно к нам пришли двое мальчишек из деревни по ту сторону границы. Конные люди под полосатым флагом две недели назад убили женщин, детей, стариков – мужчины были на охоте... Спаслись только эти двое. Так что если они придут, то мы готовы воевать вместе с вами.

– А сколько у вас воинов?

– Семьдесят человек. Но у них только двадцать три ружья. И мало пороха и пуль. У остальных – в лучшем случае луки.

– С ружьями я вам вряд ли смогу помочь, а вот с порохом и свинцом – да.

Вождь прижал правую руку к сердцу. Я продолжил:

– А не лучше будет, если ваши женщины и дети уйдут на север, пока все не успокоилось? К форту Калгари, например?

– По дороге к форту находятся земли племени кайнай. Они нас не любят, а мы – их. Вас они не тронут, побоятся. А вот наших женщин, детей и стариков они щадить не будут. Слишком много крови между нами.

– А что, если вся ваша деревня отправится в форт Калгари? Вместе с воинами?

– Нет, бледнолицый, мы не трусы. Лучше уж мы умрем здесь, на своей земле.

– Но у вас не будет ни единого шанса на успех. У них же целый полк, и они хорошо вооружены. Именно этот полк и разбил недавно вождя по имени Тупой Нож.

– Ты меня услышал, бледнолицый. – Маленький Бизон поднялся с земли, показывая, что наш разговор окончен. – Если ты привезешь мне то, что обещал, то мы сможем уйти в Страну вечной охоты, убив перед этим хоть сколько-то этих головорезов.

Я уехал из селения пейганов в скверном настроении. Как ни возмущался сержант Джонсон, наш каптенармус, я послал индейцам то, что они просили, – того, что у нас оставалось, нам хватит надолго, а от краснокожих я подвоха не ждал, все-таки мы для них, как они сами признались, меньшее зло.

Следующие несколько дней мои люди несли дежурство по усиленному варианту. Спали по четыре часа в сутки; двое всегда дежурили в двух милях к северу, чтобы после начала перестрелки срочно отправиться в форт Калгари. Оставшиеся занимали наспех оборудованные наблюдательные пункты.

Увы, именно в этих местах ландшафт был равнинным и практически безлесным, хотя чуть западнее виднелись Скалистые горы. Да, если уходить, то, наверное, туда – все-таки там будет проще спрятаться от врага...

Но прошло три дня, потом неделя, а янки так и не начинали боевых действий. А потом вернулись мои ребята из форта Калгари, и оказалось, что земля Руперта перешла к Югососсии, что бояться нападения уже не стоит и что в ближайшем будущем нас отзовут. Но пока нам предписывалось оставаться в этом Богом забытом месте.

А сегодня утром, когда я только-только улегся после дежурства, которое я нес наравне со своими людьми, прискакал один из разведчиков и закричал:

– Лейтенант, янки перешли в наступление!

Я отправил одного из моих людей к гонцам, ожидавшим в полной боевой готовности моего приказа. Им следовало немедленно отправиться в Калгари. Трех я отправил в разведку, а остальные четырнадцать человек под моим командованием отправились к пейганам – я не привык бросать слова на ветер. Но не успел я подъехать к индейскому селению, как увидел скачущего во весь опор одного из моих разведчиков:

– Лейтенант, мы поймали лазутчика! Он прятался в высокой траве!

Янки, одетый в порванный во время борьбы синий кавалерийский мундир и с окровавленным лицом, не стал запыраться.

– Нам отдали приказ захватить ваш форт и уничтожить индейскую деревню, – сплевывая на землю сгустки крови, произнес он.

– Кто именно отдал это приказ? – поинтересовался я.

Лазутчик замялся, потом взглянул на моих молодцов и нехотя произнес:

– Полковник Мак-Кензи, сэр. Вчера вечером он объявил нам, что приказ уничтожить ваш форт он получил от вице-президента Хоара.

– Какого такого Хоара? – удивился я. – Ведь президент вашей страны – Хейс. А вице-президент вроде Уэйлер. Или Уилер?

– Хейса застрелили южане, – ответил лазутчик, – а президентом стал Уилер. Хоара же назначили вице-президентом. Он же фактически и ворочает всеми делами в Вашингтоне.

Я выругался про себя (слыхал я про этого Хоара, тот еще койот блохастый), а потом спросил:

– И что вы собирались делать после захвата нашего форта?

– Не знаю, – пожал плечами лазутчик. – Полковник Мак-Кензи более ничего нам не сообщил.

Пришлось отправить еще двух моих людей в форт Калгари – информация, полученная от пленного, имела немалую цену. Впрочем, те, кому надо, давно уже все знают. А сами мы заняли позиции вдоль небольшой речушки, у северного берега которой и стояло индейское поселение.

Все, что потом произошло, было до обидного просто. Янки подогнали артиллерию и стали методично расстреливали и само селение, и нас. Пришлось отдавать приказ об атаке, но нас попросту расстреляли из картечных Гатлинга...

Почти у всех нас были допотопные дульнозарядные ружья Энфилда образца 1853 года, и только у меня и у сержанта Джонсона имелись относительно современные винтовки Снайдер-Энфилда. Мы успели дать то ли два, то ли три залпа, после чего что-то ударило меня по голове, и я потерял сознание. Последней моей мыслью было, что за нас обязательно отомстят. Югососсы никому не прощают обид, особенно вторжений на ту территорию, которую они считают своей.

10 августа (29 июля) 1878 года. Мобил, Алабама

Лорета Ханета Веласкес, она же Мария Пилар де Куэльяр и Сото

Разбудил меня грохот копыт по булыжной мостовой. Когда я приоткрыла ставни, я увидела, как белая кавалерия сменилась цветной пехотой в синей униформе, бодро чеканящей шаг по брусчатке улицы Дофина под командованием белых офицеров. Вели они себя прилично, но у меня было подозрение, что это лишь пока. Я оценила их численность где-то в батальон.

Замыкающими промаршировали белые, две роты. Сколько янки прошло до того, как я проснулась и подошла к окну, бог весть, но несколько сотен пехотинцев и, вероятно, не менее эскадрона кавалерии – немалая сила для такого городка, как Мобил. Тем более что вооруженного сопротивления здесь не было. Пока не было, вкралась ко мне в голову мысль...

Но обо всем по порядку. После того как мы сошли с парохода, я попросила у извозчика отвезти нас в какую-нибудь гостиницу. Тот посмотрел на меня и покачал головой:

– Мадам, все гостиницы забиты. Вокруг города то и дело нападают на поместья и поселки, и те, у кого были деньги, перебрались сюда. Цены, конечно, взлетели до небес, но мест как не было, так и нет.

– Давайте все же попробуем...

– Если денег не жалко. Я беру по полдоллара в час. Доллар вперед, за два часа.

– Это грабеж!

– Увы, теперь здесь такие цены. Другие берут и по целому доллару в час. Так что, поедем?

– Поедем, – кивнула я с мрачным видом, и мы объехали четыре гостиницы. Везде нам лишь виновато улыбались – мест уже неделю как нет.

Мы ехали к пятой, когда я увидела неброско, но со вкусом одетую женщину, в чьем несколько заплывшем лице угадывалась моя школьная подруга Аннетт Прюдомм.

– Остановите на секунду, – попросила я, сошла с экипажа и подошла к фланирующей женщине.

– Аннетт, это вы?

– Лори! – закричала она и бросилась мне на шею. – Ты здесь? А про тебя в газетах такое пишут...

– Поэтому я сейчас и не Лори, а Мария, – усмехнулась я. – Долго рассказывать.

– Ты где остановилась?

– Пока, увы, нигде, мест в гостиницах нет.

– Живи у меня.

– Я, наверное, ненадолго – попробую пробраться в Новый Орлеан, сын Адели написал, что мать плоха и хочет меня видеть.

– Адель Фонтено? Которая ранее была Шамплен? Так она уже давно там не живет. И сына у нее нет, три дочери.

«Понятно, – подумала я. – Игорь же меня предупреждал».

– Тогда попробую вернуться на Кубу.

– Не получится. Мой муж – начальник порта, и ему пришлось распоряжение сегодня – ни один корабль не сможет покинуть Мобил до отмены запрета. Даже рыбаки. Так что хочешь не хочешь придется тебе остаться на какой-то срок. А я буду только рада. Муж, кстати, тоже – мой Джереми хоть и из Нью-Гемпшира, но под моим влиянием стал «медноголовым»¹².

– Спасибо, Аннетт.

– Разгружайся, ты как раз у моего дома.

¹² Медноголовые – Copperheads – прозвище северян, которые были за мир с Конфедерацией.

Аннетт оказалась необыкновенно гостеприимной, ее муж, как ни странно, тоже – он под влиянием Аннетт превратился практически в южанина. Единственное, что на мой вопрос, нет ли какой-нибудь неофициальной возможности покинуть город, он лишь покачал головой:

– Моя дорогая Мария, я бы тебе помог, но сейчас это невозможно. Прислали человека из Массачусетса, и все распоряжения по порту проходят теперь через его руки. Контрабандистов я знаю, куда же без этого, но они сейчас даже не выйдут в море. Впрочем... Есть один на примете, может, и получится с ним договориться – как говорится, где деньги не помогут, могут помочь очень большие деньги. А они у меня есть. Нет, твоих мне не надо, и не предлагай... Ты наша гостья, а еще и подруга детства моей любимой Аннетт.

Но на следующий день он объявил мне с траурным видом:

– Его корабль потопили в море, и никто не спасся – у янки кораблей поболее будет, чем во время Войны между штатами, и они сразу топят любых нарушителей. Мне об этом начальник военного порта рассказал, причем с ухмылкой.

Так что последние две недели с небольшим я жила у Джексонсов – такая фамилия была у мужа Аннетт, а теперь, понятно, и у нее самой. Кормили на убой, время я проводила в их прекрасном саду за домом – выходить на балкон мне Аннетт не рекомендовала: «Вдруг тебя узнают?» В городе начались аресты тех, кто воевал за Конфедерацию либо служил в то время чиновником, а потом и тех, кого подозревали в симпатиях к Югу.

Аннетт, к счастью, была вне опасности – ее муж был «саквояжником», и ни им, ни их семьям ничего не грозило. Так что моя жизнь была размеренной и довольно-таки приятной, если бы не жара – а тем более не творящееся вокруг меня беззаконие. И не тот факт, что я не могла даже связаться с Гуантанамо.

Вчера Джереми пришел мрачнее ночи. Первым делом он приколотил к двери деревянную звезду, а затем, зайдя в дом и закрыв наглухо окна, сказал:

– Выдали мне на работе, причем выдавали только северянам. В ближайшее время, любезные дамы, из дома не выходите. Вот в этом шкафу – ружья и боеприпас к ним. Что будет, не знаю, но в ближайшее время явно что-то начнется...

И, подумала я, как видим, началось.

Часть 2. Вторая Реконструкция

11 августа (30 июля) 1878 года. Аннаполис

Томми Льюис, сирота

Разбудил меня топот ног за окном. Сплю я чутко – поживешь в Норфолке во времена Реконструкции, и тоже будешь просыпаться от каждого шороха. А тут создалось впечатление, что мимо нашего дома, расположенного на самом въезде в Аннаполис со стороны форта Пароль на вашингтонской дороге, гнали огромное стадо коров.

Я соскочил с кровати и выглянул в окно, не зная, верить ли своим глазам. По дороге ехали кавалеристы в знакомой мне по Норфолку синей форме армии Североамериканских Соединенных Штатов. Что они забыли в нашем сонном Аннаполисе, столице штата Мэриленд, известного разве что своим аккуратным, прилизанным центром, а еще Военно-морской академией Соединенных Штатов?

Не успела осесть клубившаяся над дорогой пыль, как появилась и пехота – все в той же ненавистной синей униформе. Причем если первый отряд был белым, то во втором белыми были лишь конные офицеры, а лица остальных блистали всеми оттенками коричневого, от кофейного до практически черного.

Да, дела, подумал я. Реконструкция-то закончилась, и отовсюду были выведены войска – более того, большую их часть отправили на запад, воевать с индейцами. Да и не было в Мэриленде никакой Реконструкции – штат так и не вышел из состава САСШ, хотя большинство было за Конфедерацию.

Мой приемный отец, Уильям Льюис, принадлежал к семье, поселившейся в Аннаполисе, тогда именуемом Провиденс (не путать с одноименным городом в Род-Айленде, говорил он с усмешкой), еще в далеком 1649 году. Его предки были моряками – дед его, Кейлеб Льюис, начинал мичманом в Триполитанской операции и отличился в войне 1812 года, а его отец, как рассказывал папа, лишь сокрушался, что успел повоевать лишь в Мексиканской войне, «да и сколько ее было, той войны-то...»

Когда южные штаты начали один за другим выходить из состава Североамериканских Соединенных Штатов, генеральная ассамблея Мэриленда после длительных дебатов решила, что отделяться, наверное, надо, но решение об этом должен принять новый состав генеральной ассамблеи. А выборы были на носу, и не то чтобы противников отделения не было, но шансов попасть в ассамблею не было практически ни у кого. По крайней мере, законным путем.

Я еще ни разу не голосовал, но слышал, как это происходит. Бюллетени – с фамилиями кандидатов от партии – можно получить в офисах партии, а членам партии их обычно разносят по домам. И у каждой партии бюллетень своего цвета. Клерки в участках для голосования проверяют, есть ли твое имя в списках тех, кто имеет право голосовать, после чего ты отдаешь им тот самый бюллетень¹³. Вот только на тогдашних выборах тех, кто приходил с бюллетенями неправильных цветов, попросту арестовывали, а бюллетени их уничтожались. Некоторых потом отпускали, но тех, кого считали опасными, сажали в тюрьмы без предъявления обвинений. Далеко не всем удалось выжить в этих тюрьмах – условия там были просто ужасные, а выпускать их стали только ближе к концу войны.

Папа сумел бежать во время этапа в форт Мак-Генри в Балтиморе. Он долго пробирался в Виргинию, а когда наконец туда попал, янки успели захватить Норфолк, единственный воен-

¹³ Тайное голосование в США появилось не ранее 1884 года, а в большинстве штатов – на рубеже девятнадцатого и двадцатого столетий. Более того, в некоторых штатах его ввели в середине XX века.

ный порт в моем родном штате. И он, моряк до мозга костей, скрепя сердце пошел офицером в пехоту. А в 1864 году его тяжело ранили во время битвы при Спотсилвейнии, и он оказался в лагере для военнопленных на мысе Пойнт-Лукаут в Мэриленде.

Там он познакомился с моим родным отцом, Миком Маколеем. Мик был уроженцем Норфолка, и в 1862 году в отпуске по ранению он решил навестить родителей, а заодно и невесту, Дженни Доу. Через неделю они поженились, а еще через три дня в город вошли янки.

Договоренности о сдаче Норфолка включали в себя гарантии неприкосновенности для жителей города, равно как и отсутствие любых репрессий против них. Но на следующий же день было объявлено, что «все предатели, служащие либо служившие в вооруженных силах так называемых Конфедеративных Штатов Америки, обязаны в течение 48 часов сдаться военным властям. Те, кто это не сделает, равно как и те, кто будет их укрывать, будут сурово наказаны».

За отцом пришли в тот же день, несмотря на то что прошло всего шесть часов после прокламации. Его, равно как и всех тех, кто сдался и кто не сдался, отправили на Пойнт-Лукаут. Родителей же его арестовали «за недоносительство» и заключили – без предъявления формальных обвинений – в Старую тюрьму в Вашингтоне, где они вскоре умерли от начавшейся там эпидемии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.